

***В ОЖИДАНИИ
ЛЕТА***

О жизни и творчестве Тамары Шульги

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

В ОЖИДАНИИ ЛЕТА

О жизни и творчестве Тамары Шульги

Информационно-методические материалы

Благовещенск 2018

В ожидании лета : о жизни и творчестве Тамары Шульги : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2018. – 120 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 12).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгорук
Верстка и дизайн : М. И. Гнускова

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
«КАК БЫСТРОТЕЧНО НАШЕ ВРЕМЯ...»: вехи судьбы Тамары Шульги	6
«ЖИТЬ БЕЗ КРАСОК НЕ МОГУТ ЛЮДИ...»: грани таланта Тамары Шульги	16
«Ещё пойдут стихи, стихи после дождя...»: поэзия	16
«Неповторимый взгляд на жизнь...»: проза	75
«НО ПОМНИТЬ БУДЕМ О ХОРОШЕМ...»: Тамара Шульга в воспоминаниях и оценках современников	87
«ВОЙДИ СО МНОЙ В МОЮ СТРАНУ...»: методические ре- комендации к изучению жизни и творчества Тамары Шульги на уроках литературного краеведения	100
«Свет на ладони»: беседа о поэзии Тамары Шульги	100
«Радуга на Рождество». Обсуждение рождественской истории «Шарфик для Иисуса»	106
ЛИТЕРАТУРА	110
Произведения Т. Г. Шульги	110
Литература о жизни и творчестве Т. Г. Шульги	117

От составителя

Тамаре Шульге

*– А что, на БАМе тоже... поэтессы?
– Представьте – да, встречаются и тут.
В мостоотрядах трудятся и трестах
И в щитосборных домиках живут.
На их щеках обветренная кожа,
Несут порой совсем неженский груз,
И руки их нисколько не похожи
На руки городских поклонниц муз.
Обычные для мест суровых люди,
Где от зимы так близко до зимы...
Работают, грустят, смеются, любят,
Но видят то, чего не видим мы...*

Надежда Пузыревская

Тамара Григорьевна Шульга (19.05.1949 – 30.10.2014) – из той плеяды поэтов, которые составили славу и гордость «бамовской поэзии». Всесоюзную известность принесли ей лирические стихи.

В годы строительства магистрали поэзия Тамары Шульги нередко звучала на Всесоюзной радиостанции «Маяк» в передаче «Песни на просеках», публиковалась на страницах журналов «Огонёк», «Юность», «Современник», «Советская женщина», «Дальний Восток»; в коллективных сборниках и альманахах («Приамурье», «Золотое звено», «Цветы багульника», «Стыковка», «Вдохновение» и др.); в газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «БАМ», «КВИН» и др.

Тамара Шульга – автор четырёх сборников стихотворений: «Летающие кони» (1977), «Майский снег» (1984), «Свет на ладони» (1986), «Осенняя мелодия» (2004).

Среди многочисленных имён бамовских авторов имя Тамары Шульги звучит по-особенному. С самого начала в её стихах «отсутствовала барабанная риторика», характерная для поэтов-бамовцев 1970-х годов. Творческому почерку поэтессы присущи «спокойная интонация, вдумчивость, филигранная форма, запоминающиеся поэтические образы», её миниатюрные стихотворения так похожи «на слепки состояния души или на моментальные фотографии», «От каждого её стихотворения такое впечатление, будто она написала его только для себя и не собиралась никому показывать. А за душу берёт всех» (И. Игнатенко).

В интервью, рассказывая о своих литературных кумирах, Тамара Шульга назвала три имени: Александр Блок, Анна Ахматова и Римма Казакова.

Предлагаемые информационно-методические материалы представляют личность Тамары Григорьевны Шульги, освещают основные вехи её жизни и творчества, определяют значимость её художественных произведений.

Данный сборник состоит из четырёх разделов.

В первом разделе – «Как быстротечно наше время...» – прослеживается жизненный и творческий путь Тамары Шульги.

Во втором разделе – «Жить без красок не могут люди...» – анализируются поэтические и прозаические произведения Тамары Григорьевны, обозначаются тематика, проблематика, поэтика, система образов.

В третий раздел – «Но помнить будем о хорошем...» – включены воспоминания о Тамаре Шульге и оценки её творческого наследия друзей, близких, коллег, писателей, журналистов, учёных-филологов.

Четвёртый раздел – «Взрослела, строила, любила. И нет теперь земли родней...» – содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Тамары Шульги на уроках литературного краеведения.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения Т. Г. Шульги» и «Литература о творчестве Т. Г. Шульги».

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, интересующимся творчеством амурских писателей. Материалы сборника могут использоваться читателями и сотрудниками библиотек в разнообразных целях: для удовлетворения краеведческих запросов; для проведения библиографического информирования по краеведению; для выявления необходимых материалов при подготовке и составлении пособий, сборников, альманахов и других изданий краеведческого содержания; для организации краеведческих мероприятий.

Данные информационно-методические материалы являются двенадцатым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «В ожидании лета: о жизни и творчестве Тамары Шульги»; фрагменты изданий и фотографии Т. Г. Шульги.

«КАК БЫСТРОТЕЧНО НАШЕ ВРЕМЯ...»: веи судьбы Тамары Шульги

*Хочу взорваться в синей мгле
в полнеба молнией мгновенной
и броситься к моей земле,
как дождь,
внезапным откровеньем.*
Тамара Шульга

Тамара Шульга родилась 19 мая 1949 года в селе Топольное Солонешенского района Алтайского края. Буйство красок Горного Алтая, любимые бабушка и дедушка с их потрясающей историей любви, доказывающей, что настоящие чувства не знают преград (свою будущую жену дедушка выкрал из богатой семьи, в которой работал батраком), пасака, собака, лошадь с жеребёнком – эти тёплые, нежные воспоминания о счастливом детстве Тамара Шульга бережно пронесла через всю жизнь.

Истоки спокойно-умиротворённого отношения к жизни взрослой Тамары Шульги, пристально-несуетливый взгляд на мир идут из детства, похожего на сказку.

Чердачных тайн прозрачной паутиной
осталось детство где-то на Алтае.
И не вернуться по дороге длинной
к той лошади, которая летает...
Но до сих пор, когда бывает тяжело,
всплывает тот запущенный чердак,
осколок расписной старинной чашки
и на верёвке дедушкин пиджак.
(«Чердак»)

Писать стихи Тамара Шульга начала ещё в школьные годы, прошедшие на станции Заринская (ныне город Заринск). В старших классах вместе с товарищами, увлечёнными литературой (среди них – известный сегодня поэт Александр Ерёмченко), выпускала рукописный журнал, выходивший в одном экземпляре. Кроме своих собственных стихов, в обычную школьную тетрадь ребята переписывали каким-то чудом попадавшие к ним в руки произведения запрещённых тогда авторов.

В 1966 году юная Тамара Шульга, ещё не осознав того, что её истинное призвание – литература, искусство слова, решила, что только в стихах можно с удовольствием строить воздушные замки, а в реальной жизни предпочтительнее воздвигать настоящие дома, поступила в Барнаульский строительный техникум, где получила специальность «Санитарно-технические устройства зданий». А могло ли быть иначе? Вряд ли. Ведь родители Тамары – люди далеко не творческих профессий: мама – врач, папа – автодорожный мастер. По окончании техникума она работала в проектно-институте «Алтайколхозпроект» и всё это время не переставала писать стихи, эмоционально переживая в них то, что обычно волнует молодых начинающих авторов: любовь, жизнь, смерть, смысл человеческого существования и т.д. Впервые стихи Тамары Шульги были опубликованы в 1969 году в барнаульской газете «Молодёжь Алтай».

По окончании строительного техникума до июня 1974 года работала в Барнауле в проектно-институте. В 1974 году Тамара Шульга приехала в посёлок Тындинский. Трудовую деятельность на БАМе начала инженером производственного персонала проектировщиков и сметчиков в управлении строительством «БАМстройпуть». Затем больше 10 лет работала на разных должностях в управлении Байкало-Амурской железной дороги, в том числе старшим техническим редактором в Дорожном центре научно-технической информации и пропаганды Байкало-Амурской железной дороги. Тогда молодого инженера ужаснуло отсутствие капитальных домов. При невероятно низких температурах в зимнее время строители жили в вагончиках и дощатых временках.

В Тынде Тамара Шульга активно стала заниматься поэзией. На суровой таёжной земле случилось то, что рано или поздно должно было случиться: рождение поэта, имя которого в своё время было хорошо известно советскому читателю.

О своём отношении к читательской популярности Тамар Шульга рассказала в 1986 году газете «Амурский комсомолец»: «Мне писали письма отовсюду. Помню, с одной женщиной, врачом из Ростова, мы даже долго переписывались. Мне было её жаль: у неё в автокатастрофе погибли муж и сын, она была очень одинока. Писали и школьники. Просили обычно выслать фотографию и автобиографию. Я посылала им бамовские снимки – тогда я ещё увлекалась фотографией. Помню, адрес на конвертах писался странный: «БАМ. Тында. ГК ВЛКСМ. Шульге Тамаре». И ведь доходили!».

Тамару Шульгу приятно поразило внимание администрации Тынды к творческим людям. Уже в первом номере местной газеты «Байкало-Амурская магистраль» на видном месте красовалось объявление: «Приглашаем всех пишущих». Редакция располагалась в крохотном вагончике. Желающих заняться литературой оказалось столько, что редактор «БАМа» Иван Шестак проводил занятия прямо на улице. Восседали начинающие прозаики и стихотворцы на пнях и бревнах.

Тамара Шульга принимала участие в мастер-классах Олега Шестинского, Александра Шевелева, Риммы Казаковой, приехавших на БАМ в творческие командировки.

За её плечами многочисленные заседания (в том числе и самое первое, состоявшееся 5 октября 1974 года) литературной студии «Звено», ставшей для неё, как, впрочем, и для многих других бамовских авторов, великолепной литературной школой; участие в первом общетрассовом совещании молодых литераторов БАМа (1977) и двух последующих; участие в VII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве (1979); обучение в Литературном институте им. М. Горького, который она успешно окончила в 1988 году.

За два года до завершения обучения в интервью газете «Амурский комсомолец», Тамара Григорьевна сказала, что институт даёт ей интересное общение: «У нас на семинаре пятнадцать человек, из них только семь русских, остальные отовсюду, начиная с Прибалтики и кончая Кавказом. Кроме того у нас замечательные преподаватели. Например, преподаватель зарубежной литературы Иван Иванович Карабутенко учился в Сорбонне. Ну, а ещё мы имеем возможность посещать семинары маститых поэтов и прозаиков – Юнны Мориц, Валентина Сидорова и других». В память о неповторимых студенческих годах Тамара Шульга написала стихотворение «Татьянин день».

Благослови, Господь, рябины
Под окнами моей общаги.
Где были молоды, любимы,
Быть гениями обещали...

Благослови, Господь, проспекты,
Где мы гуляли и смеялись,
Теряли головы, конспекты...
И ничему не удивлялись.

Где, мы, московские студенты,
Учением смиряли плоть...
За все прекрасные моменты
Благослови Москву, Господь!

В октябре 1987 года тайным голосованием члены Амурской писательской организации рекомендовали Тамару Шульгу на приём в Союз писателей СССР. Как писал Борис Машук, в то время ответственный секретарь Амурской писательской организации: «Но впереди было прохождение через «сито» приёмной комиссии, утверждение решения секретариата Союза писателей Российской Федерации. И если сказать, что мы переживали за судьбу нашего кандидата – значит, ничего не сказать. Спокойной оставалась только сама Тамара. Она жила своими делами и заботами. Закончила литературный институт, редактировала научно-техническую информацию в управлении БАМа, воспитывала сына-третьеклассника... Потихоньку писала новые стихи» («Амурская правда», 1988, 7 ноября, с. 4).

В 1988 году Тамару Шульгу приняли в члены Союза писателей СССР. Прочитируем слова из решения секретариата: «Слушали: о приёме в члены СП СССР Тамары Григорьевны Шульги (г. Благовещенск). Постановили: принять в члены Союза писателей СССР поэта Т. Г. Шульгу» («Амурская правда», 1988, 7 ноября, с. 4). Подписал постановление председатель правления СП РСФСР Сергей Владимирович Михалков.

В 1990 году Тамара Григорьевна перешла на работу в средства массовой информации города Тынды – «переквалифицировалась» в журналиста. Путь в журналистике начала с городской редакции радиовещания Амурского областного комитета по телевидению и радиовещанию. На радио занималась редактированием местных программ. С 1992 по 1995 годы работала ответственным секретарем газеты «Байкало-Амурская магистраль». Восемь лет Тамара Григорьевна отдала муниципальной газете «Авангард». С 1998 года она была связана с газетой «БАМ», в которой много лет работала главным редактором, занимала разные должности в газетах «БАМ-информ», «Квин».

С 1999 года Тамара Шульга – член Союза журналистов России.

Тамара Шульга награждена медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (1979) и знаком ЦК ВЛКСМ «За активное

участие в сооружении Байкало-Амурской магистрали» (1984), премией Амурского комсомола в области литературы, дипломом администрации Амурской области за большой вклад в развитие культуры и искусства. Благовещенской епархией Тамара Григорьевна удостоена медали Святителя Иннокентия. В 2014 году депутаты Тындинской городской думы наградили её знаком «За заслуги перед г. Тындой».

Однажды на вопрос журналиста, чего бы Тамара Шульга «очень-очень хотела», она ответила: «Чтобы было лето. Очень уж у нас зима холодная...». Суровые бамовские зимы не раз подталкивали Тamarу Шульгу к тому, чтобы вернуться на родину, но «...когда начинается весна, и расцветает багульник, уезжать уже никуда не хочется» (из интервью газете «Амурский комсомолец», 1986, 28 февраля, с. 4). В стихотворении «О Севере» она призналась:

Я не уеду никуда.
Такая, видно, здесь вода,
К ручьям и рекам припадая,
Я пить хочу её годами.
В какой дали, в какой ночи
Ещё так лунный свет звучит?
И где ещё откроешь тайну –
Тайга в туман танцует танго.

Тамара Шульга говорила, что на БАМ её привела не романтика, а необходимость: тётя после смерти мужа и отъезда дочери на учёбу осталась совсем одна. «Приехала спасать от одиночества родного человека», – призналась Шульга в одном из интервью. Могла ли она тогда предполагать, что БАМ станет её второй родиной? В интервью газете «Амурский комсомолец» в 1986 году она уверенно скала: «БАМ для меня – это жизнь. Тында – единственное место, где я чувствую себя, как дома, и единственный город, за который болит сердце. Потому что грузовики доламывают деревья там, где когда-то мы собирали грибы. Люди забывают о том, что на вечной мерзлоте деревья растут не так быстро, как на Алтае, откуда я родом. А ещё потому, что посреди реки Тынды появился остров – кому-то потребовалось именно здесь брать грунт. Строители нередко ведут себя так, как будто здесь ни нам, ни нашим детям не жить».

Первая книга Тамары Шульги «Летающие кони» вышла в 1977 году в Хабаровском издательстве тиражом в 3000 экземпляров. «Детским

чувством солнца и света» пронизаны романтические по содержанию и стилю стихотворения, вошедшие в этот сборник. В его цветовой палитре доминируют светлые и в то же время светлые краски, передающие состояние лирической героини, которая живёт, «восторженно весь белый свет любя», в ожидании «взволнованного чуда». Она уверена в том, что «всё впереди, всё ещё будет».

В критике сборник «Летающие кони» получил невысокую оценку. Игорь Ерёмин упрекнул автора в злоупотреблении образом «летающих коней». О названии сборника не без иронии писал: «...это трогательное тяготение прилагательного к существительному». Среди других замечаний: невысокий уровень поэтической культуры Шульги, попытка говорить с взрослым читателем на «детские» темы («Ленинский путь», 1977, 15 ноября, с. 3–4). Олег Маслов отметил, что Шульга – «способный» автор, но с выходом своего первого сборника поторопилась. «А в том, что автор – способный человек и будет писать зрелые стихи, убеждают лучшие стихотворения этого сборника, такие, как «Уже давно не вижу детских снов...», «В тайгу, на север, только дальше...», «Ненастье», «Первая пороша» и другие» («Амурская правда», 1977, 30 октября, с. 3). По мнению Игоря Игнатенко: «Заявка получилась интересной, но уж больно маленькой вышла книжечка, всего-то двадцать девять стихотворений. И вряд ли она полностью отражала многообразие духовной жизни автора. Правда, и времени на творчество почти ведь не было: стройка действительно разворачивалась грандиозная...» («Дальний Восток», 1989, № 11, с. 146).

Тем не менее, в небольшой по объёму книге были намечены главные темы творчества Тамары Шульги: тема поэта и поэзии, пейзажная лирика, темы любви, дружбы и строительства БАМа.

В 1984 году в московском издательстве «Современник» был издан второй сборник стихотворений «Майский снег» под логотипом «Первая книга в столице». В сборник автор включила 74 стихотворения. Тираж составил 7000 экземпляров. Игорь Игнатенко, оценивая новую книгу Тамары Шульги, сказал: «В «Майском снеге» перед нами интересный и откровенный собеседник с напряжённой духовной жизнью. <...> Новый сборник получился лирико-философским, в значительной степени исповедальным. Круг его тем невелик: совсем немного стихотворений о собственно БАМе (в первую очередь – о Тынде), воспоминания о родном Алтае, цикл стихов о детстве, раздумья о творчестве и стихи о любви. Едва ли не все эти произведе-

дения объединяет тема природы, что характерно для традиции русской поэзии» («Амурская правда», 1985, 17 февраля, с. 4). На взгляд И. Игнатенко, «Майский снег» не лишён серьёзных недостатков: «Едва ли не половина сборника отдана стихам о любви. Остаётся неудовлетворение при чтении этого цикла. Меняется от стихотворения к стихотворению погодный антураж (снега, туманы, дожди и солнечные дни), а позиция автора, варьируясь лишь интонационно, остаётся непоколебимо жертвенной, страдальческой. <...> Монотонность неменяющегося чувства убаюкивает, притупляет остроту душевной боли...». По мысли И. Игнатенко, «...в целом вторая книга оставляет ощущение, говоря словами автора, «чувства солнца и удачи», стихи, воскресающие детство Т. Шульги и посвящённые сыну Димке, «составляют, пожалуй, один из самых удачных разделов книги» («Дальний Восток», 1989, № 11, с. 147).

Н. Алексеева в рецензии на «Майский снег» отметила: «В каждом стихотворении этого небольшого сборника чувствуется приветствие всему доброму и хорошему в человеке. Доброте, не исчезнувшей в жутком ритме механизированной эпохи, любви – без сожаления, без раскаянья. <...> Не берусь судить, что послужило первотолчком для рождения прекрасных поэтических слов из «Майского снега» – поэтическое устройство души автора, несбывшаяся мечта или наоборот. Не в этом суть. Суть в том, что даже в самых пессимистических, на первый взгляд, строках всё-таки есть точка, очень конкретная, с которой начинается взлёт» («Амурский комсомолец», 1985, 17 февраля, с. 4).

За книгу лирических стихотворений «Майский снег» Тамара Шульга была удостоена премии Амурского комсомола.

Третий сборник «Свет на ладони» был издан в 1986 году в Благовещенске тиражом 5000 экземпляров. Книга включает в себя несколько тематических разделов: в «Волшебную струну» вошли стихотворения, в которых Шульга обращается к теме поэта и поэзии; «Города» – раздел, посвящённый строительству БАМа; «Свет на ладони» – любовная лирика; название раздела «Друзьям» говорит само за себя; подборка стихов под названием «Кони» – это воспоминания о детстве, которое поэтесса провела на Алтае; в «Кораблике» эта тема продолжена, но в несколько ином ракурсе; раздел, замыкающий книгу, «Предчувствие осени», – это пейзажная лирика. «При всём тематическом многообразии сборник являет собой единое симфоническое целое. Достичь этого Шульге удалось, в частности, при помощи сквозных образов дождя и ветра, «кочующих» из одного стихо-

творения в другое, обрастающих новыми смыслами и, как результат, обретающих глубокое символическое, концептуальное значение», – пишет доцент БГПУ Ирина Назарова.

Четвёртый сборник «Осенняя мелодия» (Новосибирск, 2004), изданный к 30-летию начала строительства БАМа, был задуман и осуществлён как книга избранного. В нём собраны лучшие, по мнению автора, стихотворения прошлых лет, а также некоторые произведения из цикла «Острова», ранее публиковавшиеся только на страницах периодических изданий. Впервые в сборнике на суд читателя были представлены и рассказы Тамары Шульги. Тираж сборника составил 1000 экземпляров.

Владимир Гузий по случаю выхода сборника заметил: «Если в прежних названиях были видны свет и движение, то здесь уже звучит музыка. Тамара не стала включать в эту книгу свои ранние «бамовские стихи»: «Мои друзья – градостроители», «Письмо сестре», «Обложили метели этот город таежный», видимо, посчитав, что время БАМа безвозвратно ушло. Хотя, уверен, они останутся в летописи БАМа».

«Восемнадцать лет ждала Тамара Шульга свою четвёртую книгу. Это не было олимпийским спокойствием, чего уж там кривить душой! – пишет Игорь Игнатенко. – Но, как никто другой, не умеет эта хрупкая женщина просить помощи. Как ей писалось? О чём думалось? Перелистывая страницы книги, давайте послушаем тихие мотивы, в которых, тем не менее, пульсирует ток высочайшего напряжения. <...> Вроде бы о сугубо личном, может о любви. Но минули годы, и оказалось: эти строки ещё о чём-то более важном и самом главном, что есть в каждом из нас – хрупкости и нежности человеческой оболочки, в которой гнездится душа. Подобно Тамаре жили и чувствовали многие её сверстницы, да вот только поведальное об этом при помощи её пера». Рассказы Шульги, по словам И. Игнатенко, «такие же миниатюрные, как и все её стихи».

Все книги Тамары Шульги сразу становились библиографической редкостью.

В 2014 году в редакции газеты «БАМ» начали готовить к печати новую книгу прозы и поэзии. Её хотели выпустить к 40-летию Тынды, который праздновался в 2015 году. Но не случилось... Увы...

Перед своим 65-летним юбилеем Тамара Шульга, откликнулась на просьбу главного редактора газеты «БАМ» Надежды Требушевской «написать стихотворение, не на заказ, а сказать о том, что сей-

час чувствует её душа», и создала пронзительное поэтическое произведение, которое было опубликовано на страницах газеты «БАМ».

Как быстротечно наше время,
Все дачные сезоны в прошлом.
Теперь года – сплошное бремя,
Но помнить будем о хорошем:
Как безутешно плакал ливень,
Трещала маленькая печь...
И пёс большой по кличке Стивен
Не мог решить, где лучше лечь:
Диван казался очень узким,
У печки жарко – всё же лето.
И пёс вздыхал, да так по-русски...
И от хозяйки ждал совета.
А мы смеялись и шутили –
Над чем – едва ли знали сами.
Мы просто весело «кутили»,
Пока собака была с нами...

30 октября 2014 года Тамара Григорьевна Шульга скончалась. Похоронена в Тынде.

Последние годы Тамара Григорьевна боролась с продолжительной болезнью. И все это время с ней рядом были коллеги из газеты «БАМ». В редакции сказали: «В нашей журналисткой семье горе. Боль утраты, которую испытываем мы, передать невозможно. Мы до сих пор не верим в то, что это, к сожалению, правда. Каждый, кто знал Тамару Григорьевну, сегодня лишился части своего сердца. Не стало огромной части нас».

После смерти знаменитого бамовского поэта Владимира Гузия Тамара Григорьевна оставалась единственным членом Союза писателей России в Тынде.

Быть может, просто так пройду,
пройду, покоя не нарушив
ни тех, кого люблю и жду,
ни тех, кто вовсе мне не нужен.

Забудусь, как осенний день,
каких у всех бывает много,
и растворится моя тень,
не знаю, на какой дороге...
Но верю: где-то без меня
друзей моих воображенье
родит летящего коня,
на миг прервавшего движенье...

Тамара Шульга – некоренная амурчанка, тоскующая по родному Алтаю, живущая в ожидании лета, носящая в сердце боль за Тынду, любящая дождь и ветер, всем своим творчеством являет нам, амурчанам, пример честного и чистого служения раз и навсегда выбранному пути, как бы ни пафосно это звучало. Ведь именно на нашей земле она обрела верных друзей и уверенность в своих жизненных и творческих силах: «Взрослела, строила, любила. / И нет теперь земли родней...».

«ЖИТЬ БЕЗ КРАСОК НЕ МОГУТ ЛЮДИ...»: границ таланта Тамары Шульги

«Ещё пойдут стихи, стихи после дождя...»: поэзия

*Я покажу тебе страну –
мою волшебную струну...
её ты тронешь, и оттуда
вспорхнёт взволнованное чудо...*

Тамара Шульга

Сущность поэзии Тамары Шульги составляет непосредственное поэтическое восприятие мира. Оно проявляется во взволнованном внимании ко всем незначительным для равнодушного человека, но таким значительным для чувственного взгляда подробностями.

Ловлю в ладони свет,
упавший с высоты.
Ещё мгновение – и весь проснётся.
Ты видишь –
как легко неметь от красоты,
ты знаешь,
как легко мне это удаётся...
А дальше –
целый день заботы и тревог.
Но я-то знаю:
к вечеру поближе
какой-нибудь совсем
чужой щенок
ладони мне доверчиво облизнет
и, весело тряхнув
кудрлатой головой,
за кошкой промелькнувшею
метнётся...
И я, слегка вздохнув,
войду к тебе домой.
Ты знаешь,
как легко мне это удаётся.

(«Ловлю в ладони свет...»)

Творческой манере Тамары Шульги свойственны короткие строчки, небольшие миниатюры, так похожие на слепки состояния души или моментальные фотографии:

Вот опять уже опадают листья,
а я так и не стала другой...
Просто видно, по образу мыслей
чужды мне уют и покой.
Уезжаю, бегу, улетаю.
Телеграммы, звонки, адреса...
Ну а если молчу, то латаю
пострадавшие в шторм паруса.
(«Вот опять уже опадают листья...»)

И надо обладать большой смелостью, чтобы открыть свою душу широкому читателю. Вот она – мятущаяся и не находящая покоя. Её легко ранить неосторожным словом.

Не грусти о странах дальних,
не грусти.
Всех – весёлых и печальных –
отпусти.
Осторожных, равнодушных
не тревожь...
Что в эмоциях ненужных
ты найдёшь?
Угольками раскалёнными
в горсти
очень сложно свою душу
пронести.
(«Себе»)

В стихотворении «Песня осени» Тамара Шульга приглашает всех войти с ней в её поэтическую страну, обещая при этом обновление и душевные открытия.

Войди со мной в мою страну
и в ней подольше будь...
Войди со мной в мою страну,
но чем жила – забудь.

Я научу тебя любить
другие имена.
Я помогу тебе забыть
о том, кто ты сама.
Войди со мной в мою страну,
измучась, не любя...
Я всё в тебе переверну,
я обновлю тебя!

Тамара Шульга со своей реальной биографией, с неповторимой человеческой и женской судьбой сама стала героиней своих стихов. Не вымышленная романтическая героиня, не условно-поэтический образ-символ, образ-маска присутствует в этой поэзии, но реальный характер женщины-современницы.

Когда звезда упала в реку,
не сладив с глубиной небес,
и я шагнула к человеку, –
он отшатнулся и исчез,
когда звезда упала в реку.

Озноб восторга и тоски
сродни какой-то тёмной силе.
То два крыла, то две руки
меня из ночи выносили.
Озноб восторга и тоски.

Пока не ожила душа,
и снова ей не стало тесно,
ночь продолжалась не спеша,
и я была в ней бестелесна,
пока не ожила душа.

(«Когда звезда упала в реку...»)

Одно из самых сильных впечатлений детства Тамары Шульги – кони. Не случайно первый поэтический сборник Шульги назывался «Летающие кони» (1977). В её поэзии они стали символом стремительного движения и поиска лирической героини, совершенной внутренней свободы, страстной любви, рыцарской доблести и отваги.

Мне не надо звона злата.
Что наряды для меня?
Мне бы рыцарские латы,
черногривого коня,
да надежды луч над лесом,
да бунтующую кровь,
душу молодого беса,
волю, шпагу и любовь.
(«Мне не надо звона злата...»)

Бег коней подобен неумолимому бегу времени. «Летящие кони» – как годы, уходящие неслышно, незаметно.

Летящие кони, летящие кони,
Летящие мимо года...
Пытаюсь понять: что их бешено гонит,
Какая над ними беда?
Но не, невозможно в запутанных гривах
Прочесть завыванье ветров.

А кони летят в моём сне торопливом
Без ржанья и стука подков...
(«Летящие кони»)

В летящем беге мчащихся над обрывом коней лирическая героиня видит успокоение, умиротворение.

Догорал закат за речкой
Так горят осинок листья
И червонною уздечкой
Рассыпался в волнах быстрых.

Распустив по ветру гривы,
Не тревожась, не печалась,
Мчались кони над обрывом.
Над обрывом кони мчались.
(«Мчались кони...»)

Пытаясь разобраться в своих сокровенных мыслях, героиня стихотворения «На снегу нарисованный конь» обращается к коню с просьбой отпустить её.

Приковал, завладел глазами...
Кто тебя рисовал на снегу?
Кто чертил твои лёгкие сани,
Путал гриву твою на бегу?

Отпусти ты меня, не тронь
И в ладонь мою не дыши.
На снегу нарисованный конь
Что тебе до моей души?

И, конечно же, кони – это символ детства: беззаботного, светлого, не омрачённого бедами и разочарованиями взрослой жизни.

В интервью журналисту В. Кудинову Т. Шульга сказал, что образ летящего коня – «это с детства. С детьми я не играла, потому, что там, в горах Алтая, где жили, их не было. Представьте себе... Село Топольное, пасека, дедушка с бабушкой, лошадь с жеребёнком, собака...» («БАМ», 1988, 21 октября, с. 4).

Пусть будет лето,
дождь и солнце,
пусть конь пасётся на лугу
(хоть он не раз ещё споткнётся
потом – на бешеном скаку)...
Замри,
не надо слов, послушай –
всё будет после,
а пока –
пусть ходит девочка по луже,
как ангелок по облакам.

(«Пусть будет лето...»)

Возможно, кому-то это покажется удивительным, но в творчестве известной бамовской поэтессы, награждённой медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (1979) и знаком ЦК ВЛКСМ «За активное участие в сооружении Байкало-Амурской магистрали» (1984), стихи о БАМе большая редкость. По этому поводу

И. Игнатенко писал: «Мы не найдём у Шульги живописаний стыков «серебряных» и «золотых» звеньев, картин «покорения» природы, парадных репортажей и портретов бамовских знаменитостей» по той простой причине, что «её главное правило <...>: не писать о том, чего не знаешь и чему не был свидетелем».

О чём ты задумался, друг,
под быстрый колёс перестук?
Новые песни, новые люди –
всё впереди, всё ещё будет.
Иль дорога тебя укачала?
Или же просто боишься начала –
этой разлуки со всем, что любимо?
Жаль тополей, пробегающих мимо?
Ветер в вагонные окна стучится...
От ностальгии не излечится.
сердце – оно ничего не забудет.
Но всё впереди, всё ещё будет!
(«Поезд идёт на БАМ»)

В одном из интервью Тамара Шульга, отвечая на вопрос, почему в её «поэзии тема БАМа как-то не преваляется, как у других поэтов, живущих у нас на магистрали» призналась: «БАМ – это моя жизнь, в общем-то. Ну, не знаю, может быть, у кого-то так вот и пишутся стихи каждый день, а для меня обязательно нужно какое-то потрясение. На БАМе было очень и очень много приезжих. Они сразу же, с ходу начинали писать стихи, которые мы не читали, песни, которые мы никогда не пели. Знаете, такие «БАМ! БАМ! БАМ!». Ну и отбили охоту. Ну, а если честно, то меня волнуют другие темы. Какие, видно из стихов» («БАМ», 1988, 21 октября, с. 4).

БАМ для Шульги – друзья-градостроители, с которыми она прошла длинный путь строительства «трассы века».

Мои друзья – градостроители
с морщинками у жёстких губ.
Они такое в жизни видели,
что вряд ли где-нибудь солгут.
Теперь, раскиданные временем,
седые даже – не беда,

все будут сильными и верными,
красивыми, как города.
Но крикнется и отзовется
и вспомнится не раз,
как странно,
как трудно вырывалось солнце
из лап морозного тумана.
(«Мои друзья – градостроители...»)

Счастлив тот человек, кого судьба не обделила друзьями. Не обделена ими в своей жизни и Т. Шульга. В её поэзии мы найдем стихи, посвященные тем, кто «среди невзгод житейских, суеты» давал ей «крылья и упорство».

Я узнаю вас в шелесте листвы,
в квадратах по ночам горящих окон...
И всё, что было, всё, что будет – вы, –
друзья мои любимые, далёкие.

Среди невзгод житейских, суеты,
где не всегда опознано притворство
и где подчас сжигаются мосты, –
вы мне давали крылья и упорство.

Мгновенья встреч нам кто-то нагадал,
мы сдержанные письма только пишем,
а вдоль дорог седее лебеда...
И мы всю жизнь озоном дружбы дышим.
(«Я узнаю вас в шелесте листвы...»)

Строителям БАМа посвящён раздел «Друзьям» из сборника «Свет на ладони» (1986).

Журналист В. Кудинов, бравший в 1988 году интервью у Т. Шульги, в первых строках статьи отметил: «Тамара Григорьевна Шульга любит друзей и общение с ними, меньше всего – рассказывать о себе. Заведомо зная это, прошу прощения у читателей газеты за скупость диалога с поэтессой» («БАМ», 1988, 21 октября, с. 4).

Мы – взрывники, мы рвём гранит.
Мы бьёмся с крепостями скал,
чтоб городов рождённых быт
нас по заслугам приласкал.
Послушайте, как у костров
звонит простуженная сталь...
Во имя новых городов
за нами ляжет магистраль.
(«Мы – взрывники, мы рвём гранит...»)

В интервью Т. Андреевой Т. Шульга рассказала, чем ей нравились строители БАМа, которых она близко знала: «Тем, что на них можно было положиться. Их всё волновало. Даже такой вопрос, как есть ли у тебя дрова, подвозят ли воду, не холодно ли? От этой всеобщей заботы становилось как-то теплее. Ещё помню, когда у нас в общежитии гас свет, то кто-нибудь разводил во дворе костёр и кипятил чай для всех» («Амурский комсомолец, 1986, 28 февраля, с. 4).

В стихотворении «Друзьям» Шульга благодарит строителей БАМа, благодаря которым ей захотелось жить «восторженно весь белый свет любя».

Мне жить –
вот так –
ни разу не хотелось:
восторженно весь белый свет любя.
Не знаю, трусость это или смелость –
отдать друзьям беспечную себя.
Я – далеко не нежное растение.
Так почему, волнуясь, говорю:
– Пусть стану я всего лишь вашей
тенью,
я и за это вас благодарю...
(«Друзьям»)

На БАМе Тамара Шульга замечала необычное в том, что другие видели просто как предметы работы или быта. В «Письме сестре» она пишет:

Что сказать тебе
  о Гынде...
Строим,
  спорим,
  писем ждём.
Ходим в джинсах,
  ходим в «миди»
И в жару,
  под дождём...
Дышим пылью,
  дышим лесом,
Влюблены в туман
  и в гром...
Но у нас такие рельсы,
Что не описать пером!

В стихотворении «Меня позвали песни и стихи...» Тамара Шульга, уподобляет строителей БАМа «земным измученным богам», которые верны главной цели своей жизни – строительству железной дороги.

Меня позвали песни и стихи
и привели таёжные рассветы
туда, где слов заветных родники
ещё своих не дождались поэтов.

В такой глуши поверишь в чудеса,
в любую потрясающую небыль.
Четвёртый день грохочут небеса,
Шаман-гора куражится над Тебой.

Зигзаги молний пересекают лес.
Болотной жижей хлюпаю дороги.
Красот не замечая и чудес,
по ним идут измученные боги.

Не те, что в рамы спрятали лицо,
тем от забот людских не очень больно.
Земные, без сияющих венцов,
они сюда явились добровольно.

Потом за нами встанут города,
и побегут железные дороги...
О, люди! Вспоминайте иногда,
что здесь прошли измученные боги.

Стихотворение примечательно попыткой эпического осмысления той действительности, в которой жила и трудилась Тамара Шульга.

В 1970–1980-е годы бамовские рельсы пытались описывать десятки заезжих корреспондентов. На страницах газет и журналов сверкали «серебряные», «золотые», «звонкие» рельсы. А Тамара Шульга взглянула на бамовские рельсы и сказала как истинный поэт: «Не описать пером». Так говорят о чем-то необычайно красивом. И это для строителей магистрали века так и было. Поэты БАМа ощущали себя строителями «светлого будущего». Дорогой к нему должна была стать магистраль, которую они с энтузиазмом воспевали в своих стихах.

И вот мы снова у порога,
Молчат надуты рюкзаки.
А впереди опять дорога
И только даль из-под руки...
Вперёд, мой друг! Мечтай,
Надейся...
И все же помни, уходя –
Твои здесь остаются рельсы.
В жемчужных капельках
дождя.
(«И вот мы снова у порога...»)

Кто только из бамовских авторов не писал о расставании с друзьями молодости, возвращающимися после укладки «золотого» звена в родные края. Но только Тамара Шульга рассказала об этом так откровенно, почти обнажив перед читателем душу, заставляя и его пережить нестерпимую боль разлуки в «Прощании» – одном из самых эмоционально сильных, волнующих стихотворении.

Словно с телом душа растаётся,
убегает земля из-под ног, –
уезжают друзья.

Остаётся
память пройденных вместе дорог.
Может, будут другие не хуже
(на друзей мне везло всегда),
только, друг мой, тебя ли закружит
в незнакомых больших городах?
Я прошу: улыбнись на прощанье,
раствори в моём горле комок.
До свиданья, родной, до свиданья...
Убегает земля из-под ног.

Душа, расстающаяся с телом, земля, убегающая из-под ног, комок в горле – образы, «работающие» на напряжённую эмоциональную атмосферу стихотворения.

И в жизни, и в творчестве отношения с Тындой складывались поразному. Холодные бамовские зимы не раз подталкивали Тамару Шульгу к тому, чтобы вернуться на родину – она каждую зиму собиралась уехать, «а когда начинается весна, и расцветает багульник, уезжать уже никуда не хочется».

Февраль к концу,
да что календарю –
у Севера свои зима и лето,
в мороз и днём не гаснут
фонари –
да только ночь не удлинит это.
Я чувствую весну всем существом,
душою и озябшими губами,
начнёт багульник скоро
колдовство,
ведь мы с тобой
не первый год на БАМе.
(«Февраль к концу...»)

В семидесятых годах прошлого века у многих бамовцев, писавших стихи, была популярна тема «будущей ностальгии по БАМу»: построим БАМ, вернёмся на родину, а потом будем приезжать сюда, грустить и вспоминать.

В 1975 году Юрий Николаев, инженер из Нагорного, написал: «Я отсюда уеду / в самом мягком вагоне. / По железной дороге, / построенной мной...».

«Своей Кувукты мы не узнаем, / Когда под старость, тайгою бре-
дя, / Хотя бы на день сюда приедем», – признавалась Жанна Ржевская.
Тамара Шульга сразу заявила чётко:

Я не уеду никуда.
Такая, видно, здесь вода,
К ручьям и рекам припадая,
Я пить хочу её годами.
В какой дали, в какой ночи
Ещё так лунный свет звучит?
И где ещё откроешь тайну –
Тайга в туман танцует танго.
(«О Севере»)

И осталась верной и этим словам, и ручьям, и рекам до последних дней жизни.

В творчестве Шульги «город таёжный», «город метельный» впервые возник на страницах сборника «Майский снег» (1984).

Обложили метели
этот город таёжный,
где мы все не старели,
но не стали моложе...
Лет не жалко нисколько,
и напрасно не сетуй:
не с гитарой же столько
нас носило по свету.
Ничего не случилось,
всё идёт как всегда,
и при нас ещё милость –
создавать города.
Вновь заснеженный ельник
встаёт на пути...
Ну-ка, город метельный,
жизнь мою освети!
(«Обложили метели...»)

Столица БАМа для Тамары Григорьевны – «это единственное место», где она «чувствует себя, как дома, и единственный город, за который болит сердце» (из интервью газете «Амурский комсомолец»).

Здравствуй!
город любви моей,
здравствуй!
Моя песня, забытая, зримая,
властвуй!
Вам привет, сентябрём опалённые
парки...
Лист кленовый с краями
почтовой марки,
и усталый трамвай, зазвеневший
в сердцах на кого-то,
и прохожий,
чьего не припомню лица, –
вот он...
И старушка, в тени продающая
астры...
Шелестящая осень.
а может, поющая,
здравствуй!
(«Здравствуй!»)

Город выступает как олицетворенный образ, некое живое существо, хранящее память о своих жителях, как «состояние души» лирической героини.

Города мои, города,
на мгновенье, на год,
навсегда...
Дождь и снег в проводах,
на асфальте вода –
города мои, города.
Города далёких друзей,
города забытых князей
и церковью купола,
где когда-то была,
моя память хранит,
как музей.
Города любви и разлук,
города разомкнутых рук,
города, где пиши и пиши,
города – состоянье души.
(«Города»)

В стихотворении «Августовская ночь» Тында показана городом, в котором лирическая героиня переживает превращение «в кроткое слово люблю».

Растворяется город
в прохладном тумане,
перевернуто в лужах
висят фонари,
а меня, как магнитом,
на улицу тянет,
и шальная брожу я
до самой зари.
Просвистал бурундук,
заблудившийся, дикий,
слышу чьи-то шаги
далеко впереди...
Под окном в переулке
темнеют гвоздики,
а над сопкой, за Тындой,
должно быть, дожди.
Мне не спится, и всё –
не бессонницей маюсь.
Ничего не жалею,
ни о чём не скорблю...
Растворяюсь в тумане,
до конца растворяюсь,
превращаюсь в короткое
слово –
люблю.

Стихотворение «Признание» можно считать признанием в любви краю, ставшему для неё родным.

Был летний день сырой и серый,
с утра туман, к полудню дождь.
Встречал меня прохладой Север,
в моём порыве видя ложь.
Куда, мол, этакой девчонке,
градостроитель – тоже мне...

А я молчала удручённо
и всё ждала – повалит снег.
Не важно, что там дальше было...
Пять быстрых лет как пара дней...
Взрослела, строила, любила.
И нет теперь земли родней.

Лирическая героиня стихотворения «Тында» (1984) любит молодым, красивым городом, выросшим у неё на глазах, и только с ним связывает своё будущее:

Да, нам бывало тут несладко:
гас свет, и не было тепла...
И вся-то радость, что палатка
в осенний день не протекла.
И вот он – настоящий город,
до туч лохматых этажи,
где мы с тобой светло и гордо
сто лет, не меньше,
будем жить...

Спустя годы Тамара Григорьевна, видимо, уверенная, что тело и душа человека должны быть упокоены рядом с могилами предков, поделилась с читателем совсем другими переживаниями в стихотворении «Тында» (1999).

Здесь так свинцовы небеса,
А под ногами только
слякоть.
Здесь можно выплакать
глаза,
Иль вовсе не сметь
заплакать.

Здесь ночь всегда длинней,
чем день,
А сон не может снять
усталость.
Я не хочу, чтоб моя тень
И после смерти здесь
скиталась.

Использование автобиографического материала в данных стихотворениях позволяет выделить автобиографический мотив. В стихотворениях просматривается то, что пережила Тамара Шульга, то, чему она была свидетелем и участником.

Тында показана реалистически, но вместе с тем монументально, в классической пушкинской манере, в которой личные воспоминания сплетаются с историей малой родины.

Тамара Шульга не обошла своим поэтическим вниманием горячо любимое и воспеваемое практически всеми бамовскими поэтами творчество Александра Пушкина.

Для многих бамовских авторов, всё, что связано с Пушкиным, озарено светом, наполнено радостью, ожиданием счастья. Чувство глубокого умиротворения, ощущение полёта испытывает героиня небольшой лирической зарисовки Т. Шульги «Сентябрь в Пушкине» (2004). Анафора, синтаксический параллелизм, многоточия помогают поэтессе передать это необыкновенное состояние:

Ещё не время жалеть о лете,
ещё цветению – не конец,
но утопает в осеннем свете
Екатерининский дворец...
А ветер солнечный смеётся
над хмурым видом кариатид...
И слева – солнце,
и справа – солнце,
и в сердце – солнце,
и всё летит...

Уже давно утратившая образность метафора «солнце русской поэзии» вновь оживает в зарисовке Шульги. Образы «осеннего света», «солнечного ветра» и самого «солнца» пронизывают стихотворение от начала и до конца: здесь всё напоминает о Пушкине, всё наполнено его дыханием. И даже время как будто бы остановилось: в окрестностях Екатерининского дворца всегда осень – любимое время года поэта. Возникновению этого ощущения способствует не только содержание первых четырёх строк, но и название стихотворения.

«Золотом горящий лист» и «жёлтый ветер» – пейзажные детали ещё одной лирической зарисовки Шульги «Мир воспоминаньем сужен...» (2004):

Мир воспоминаньем сужен,
словно в час творенья, чист.
Над Фонтанкой снова кружит
золотом горящий лист...
Где-то там, за Летним садом,
у темнеющей воды,
так необъяснимо рядом
наши пролегли следы...
И всё тот же жёлтый ветер
бьётся о литьё оград.
И опять на целом свете
только ты и Ленинград.

У Шульги свой взгляд на Пушкина: очень личный, глубоко интимный, как и вся её поэзия. Эта лирическая зарисовка больше похожа на нежное и страстное признание в любви самому близкому, родному человеку. И только упоминания о времени года, о пушкинских местах (Фонтанка, Летний сад) (На набережной Фонтанки в пятиэтажном доме № 185 Пушкин жил вместе с родителями по окончании Лицея (1817–1820). Позже, в 1833 году, поэт вместе с семьёй поселился в одной из квартир трёхэтажного дома на Пантелеймоновской улице. Неподалёку находился Летний сад, в котором любил гулять Пушкин) и о «следах», которые «пролегли» «так необъяснимо рядом», наводят на мысль о том, что адресатом стихотворения является всё-таки Пушкин.

«Пушкин сопровождает нас всю жизнь», – так известный пушкинист Г. Макогоненко писал об удивительном духовном родстве поэта с каждым русским человеком. Стихотворение Шульги в который раз подтверждает эту истину: «свидание» с поэтом, «дыхание» пушкинских мест навсегда остались в памяти лирической героини. При наличии в стихотворном тексте конкретных образов пространства и времени, контуры художественного мира прорисованы неясно. Вневременной характер лирического сюжета подчёркнут с помощью наречий («снова», «опять») и словосочетания «всё тот же». Художественное пространство то сжимается («мир воспоминаньем сужен»), то расширяется («на целом свете»). И, наконец, в финале пространственно-временные координаты вообще перестают существовать («только ты и Ленинград»). Прошлое и настоящее, Петербург Пушкина и Ленинград лирической героини словно сошлись в одной точ-

ке, демонстрируя поразительную близость поэта каждому новому поколению.

Для Шульги поэзия Пушкина, наполненная светом, обладает необыкновенной силой исцеления. Поэт приходит к ней в самые мучительные минуты, когда кажется, что уже не у кого искать спасения. Эта мысль становится очевидной, если не упускать из виду те связи, которые неизбежно возникают между отдельными стихотворениями поэтического сборника. В сборнике «Осенняя мелодия» лирической зарисовке «Мир воспоминаньем сужен...» предшествует полное драматизма стихотворение «Я – тобой осаждённый, пылающий берег...»:

Я – тобой осаждённый, пылающий берег,
Да простится покой мой на грани истерик.
Я жива дикой болью подстреленной птицы...
И один только выход – о скалы разбиться.
Даже ночь от молчанья и страха охрипла.
Я для многих сгорела, для многих погибла.
И уже не помогут ни шанс и ни случай.
Полюби, погуби, но не мучай, не мучай...

Многоточием в финале крик истерзанной души как будто бы обрывается. С воспоминанием о Пушкине в художественном мире Шульги воцаряется гармония.

Любовь – едва ли не основная тема в творчестве Тамары Шульги. И это естественно. В любви глубже и полнее всего раскрывается сокровенная сущность женщины.

Нет, пожалуй, верить в чудо
мне уже не научиться.
И не я с тобою буду
и грустить и веселиться.
От печалей не проспаться,
от потерь не убережешься...
Если б знать,
когда расстаться,
чтобы быть с тобою вечность.

(«Нет, пожалуй, верить в чудо...»).

В стихотворении «Молитва» всего восемь строк, читается оно на одном дыхании. «Насмешливая и унылая», «спутавшая ночи и дни» героиня просит:

Господи! Дай мне силы –
Выжить в сердцах строкой,
вымолвить тихо «милый»
и ощутить покой...
насмешливой и унылой,
спутавшей ночи и дни,
Господи! Дай мне силы –
не избежать любви!

Голос просящей лирической героини услышан: она получает этот дар – умение любить.

Нам было по двадцать,
как мало нам было!
Как поздно признаться:
«Да, я любила!».
Ты помнишь тот дождь,
тот сверкающий ливень,
с тобой говоривший
губами моими?
Когда на вокзале
под водостоком
мыла я руки
с детским восторгом.
И те, без улыбки,
слова проводницы:
«Целуйтесь скорее,
пора уж проститься».
Её не касалось,
как это жестоко,
что я – на Алтае,
а ты – на Востоке.
(«Нам было по двадцать...»)

Тамара Шульга воспринимает мир сквозь призму любви, и любовь в её поэзии предстает во множестве оттенков чувств и настроений.

Как мелодия дождя, как шелест кленового листика, а порой и «диким ветром над тайгой» прольется песня любви в стихах «Осенняя песня», «Осенняя мелодия», «Предчувствие дождя», «Скажу дождю».

Идёт сентябрь, идут дожди,
земля кружится.
Звонка не жди
и встреч не жди –
не повторится.
Осенний день – не летний день –
темней, короче.
Любая тень, косая тень –
предвестник ночи.
И не поднять усталых глаз
легко и смело.
Я, кажется, любила вас...
Такое дело.

(«Осенняя мелодия»)

Мир женской души, воссозданной Тамарой Шульгой, поражает богатством, тонкостью и благородством, возвышенностью переживания.

Живу нелепо, призрачно живу.
Легка дорога к дому твоему,
трудней дорога к дому моему...
и так всегда – во сне и наяву.
С рассудочностью вечно не в ладах,
сгораю синим пламенем во льдах,
рискую зря, грущу о невозможном.
Живу порой невесело и сложно,
от мелочей уставшей и бездарной,
сорвавшейся, воскресшей,
благодарной...
Но в час любой –
наперекор всему
– легка дорога к дому твоему.

(«Живу нелепо, призрачно живу...»)

Лирическая героиня Тамары Шульги – душа нежная и страстная, гордая и сдержанная.

Нет, не скажу:
«Постой, куда ты?».
Иди, лети, растай в ночи.
Пусть дождь, зачёркивая
даты,
по стёклам бешено стучит.
Я всё переживу, пожалуй,
не станет раною сквозной
на птичий крик
(от боли шальной),
на снег, кипящий белизной.
Утрачу ощущение цвета
и, может, стану ниже ростом...
Но будет лето, будет лето,
где я вздохну легко и просто.
(«Нет, не скажу: «Постой, куда ты?»»)

Тамара Григорьевна обладала талантом тончайше, графически прописывать даже не само чувство, а его зарождение.

Войду в штормовке запылённой
в твой тихий дом на склоне дня,
где ты
нисколько не влюблены,
ждёшь невлюблённую меня.
Поговорим о том, об этом, –
что тянет холодом с реки
и что опять умчалось лето
кленовым листиком с руки.
Нальёшь мне кофе цвета ночи,
чтобы усталость обмануть.
И снова –
хочешь иль не хочешь –
тебе быть здесь,
мне – дальше в путь.
Но что-то общее в нас прочно.

И зря соседка будет, злясь,
искать в визитах непорочных
тебя порочащую связь.

(«Войду в штормовке запылённой...»)

Вроде бы, всё ясно в начале этого стихотворения, но и всё туманно. Уже первая строчка выдает романтику времени: «войду в штормовке запылённой». Это сейчас не принято ходить в штормовках, а в первые бамовские годы штормовка считалась символом причастности человека, облаченного в неё, к славному племени первостроителей. Запылёнными штормовки были потому, что день и ночь по неасфальтированным улицам Тынды на все четыре стороны разворачивавшейся стройки мчались десятки и сотни большегрузных машин.

А дальше начинается волшебство описания зарождения чувства, чувства, в котором страшно признаться даже самой себе: «где ты, нисколько не влюбленный, ждёшь невлюблённую меня». Это «ждёшь» о многом говорит. Хотя разговор идет «о том, об этом, – что тянет холодом с реки». Но что-то все-таки мешает разговору. И в конце стихотворения проясняется, кто или, точнее, кто – «третий лишний».

Но с любовью в жизнь лирической героини вторгается и «упрямое чувство тревоги», вызванное обидой и печалью, дрожащими в уголках губ любимого.

Несётся такси мимо ярких реклам,
Летит ошалело дорога.
Что делать, скажи, этой полночью нам?
В любовь нашу вторглась тревога...

И мне всё не спится, не спится никак.
Хочу твои руки потрогать,
Но вижу – дрожит возле губ в уголках
Обида, печаль и тревога...

А нынче весь город – цветное панно,
Лучатся дома и дороги.
И только в глазах, так любимых давно,
Жилище тревоги...

А я всё молчу. Я теряюсь сама.
Какие разгневались боги?!
Всю ночь меня мучит и сводит с ума
Упрямое чувство тревоги.
(«Тревога»)

Любовь у Шульги подобна внезапно наступающей человека стихии, которой невозможно противостоять. Дождь и ветер становятся символами страстной, но кратковременной любви.

А что любовь?
Всего лишь дождь.
Короткий дождь в начале лета,
которого всю зиму ждёшь
и сам не ведаешь про это.
Бывает гром и молний блеск,
и ветры стонут и гудят,
и неба рухнувшего треск...
А после – тихий шум дождя.
(«А что любовь?»)

Возникающие здесь, помимо лейтмотивных образов, «гром», «молния» и «рухнувшее небо», а также ярко выраженный звуковой рисунок стиха способствуют отражению той сложной гаммы чувств, которые переживает лирическая героиня: любовь для неё – рождение в душе чего-то нового, таинственного, но главное, подобно стихии, захватывающего человека и не дающего ему возможности сопротивляться. Образный строй стихотворения, ярко выраженный звуковой рисунок и многоточие – один из самых частых знаков препинания у Тамары Шульги, передают характер стихийного любовного чувства, наступающего человека внезапно и также неожиданно угасающего.

Пои меня, сентябрь, ядом,
листвою пахнущих ночей,
а тот, кто был когда-то рядом,
не знаю, где,
не знаю, чей.
А дождь всё льётся,
дождь всё льётся...

С асфальта смывает последний след,
и ничего не остаётся,
как только помнить силуэт.
(«Осенняя песня»)

Так в лирике поэтессы возникает мотив одиночества, разлуки, так же как и мотив чувственной, но недолгой любви, сопряжённый с образами дождя и ветра.

Раскосматится туча в окне,
словно чья-то знакомая тень:
то ли девочка на коне,
то ли просто ушедший день...
над карнизом движенье птенца,
Осторожное, в полусне.
И, совсем не вспомнив лица,
ты подумаешь обо мне.
Пробежит по деревьям дрожь,
встрепенётся до боли пульс.
И отчаянно хлынет дождь.
Всё, что будет потом, –
пусть.

(«Предчувствие дождя»)

В стихотворении «Ну вот... Бессонница готова» «колючий дождь» выступает символом предательства.

Ну вот... Бессонница готова
Один лишь мысли поворот,
И мнимые стучат подковы
У мной придуманных ворот.
Не эти ли примчались кони
Сквозь лет и дней колючий дождь,
Чтоб изнутри зажгла ладони
Тоски предательская дрожь?
Любовь... ну это ли не пытка?
Добра в ней больше ли зла?
...Воспоминания кибитка
Сквозь холод ночи поползла

В стихотворении «Помнишь, как целый день...», рисуя мучительный процесс расставания любимых, Шульга обращается к приёму психологического параллелизма.

Помнишь, как целый день
солнце жгло и слепило
и не я – моя тень
за тобою ходила?..
И пригнал ветер тучу.
Помнишь?
Не повезло:
вместе с тенью летучей
тень мою унесло.
А потом шли дожди,
Продлевая смятенье...
Были жуткие дни –
отторжения тени.
Тень гуляет одна.
я очнулась от боли...
Не моя в том вина,
просто – вольному воля.

(«Помнишь, как целый день...»)

По мере того, как нагнетается ситуация в природе, усложняется внутреннее состояние лирической героини: сначала она всего лишь с лёгким сожалением говорит «не повезло», а после – «были жуткие дни» и она «очнулась от боли».

В самый ветреный месяц года – февраль – лирическая героиня Тамары Шульги более всего тоскует по дождю и ветру, которые ассоциируются с «любимыми руками». Несмотря на непреодолимое одиночество, лирическая героиня находит в себе силы вести диалог с природой.

Вот опять в феврале
налетела тоска
по дождю, по земле,
по любимым рукам.
Как болезнь, в феврале
налетела тоска...

Десять лет этот ветер
срывался со скал,
седой меня метил,
морозом ласкал,
десять лет этот ветер
срывался со скал...
Десять лет я бродила
по белой земле,
никого не любила –
жила в феврале.
И шептали метели,
За собой уводя:
«Перестань! В самом деле
забудь о дождях.
Не пора ли смириться?
Иль не знаешь сама,
сколько лет уже длится
в твоей жизни зима?...»
Но опять в феврале
налетела тоска –
по дождю, по земле,
по любимым рукам...
(«Вот опять в феврале налетела тоска...»)

Образы дождя и ветра – метафора любовного чувства: с одной стороны, стихийного, рокового, с другой – очищающего, обновляющего.

Пусть грянет сильная гроза,
когда умру или устану
и не смогу смотреть в глаза,
и быть собою перестану,
пусть грянет сильная гроза...

И пусть я растворюсь в окне,
коль устоять не стало силы.
Забудь, мой милый, обо мне,
не помни обо мне, мой милый,
и пусть я растворюсь в окне.
(«Пусть грянет сильная гроза...»)

Примечательно, что выявленная амбивалентность образов прочно укоренена в русской культурной традиции: достаточно вспомнить «Грозу» А. Н. Островского или трилогию Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность».

Вечную тайну любви и вечную драму влюбленных Шульга видит в том, что человек неволен в своей любовной страсти: любовь есть чувство изначально стихийное, неотвратимое, часто трагическое – счастье оказывается недостижимым.

Через шесть часовых поясов
в день вчерашний ворвусь
в самолёте,
и без лишних, положенных слов
вы меня непременно поймаёте.
Я войду,
снова та и не та.
Я скажу:
– Меня время не лечит.
Боль – любовь, маета – немота,
и час от часу вовсе не легче.
А быть может, опять промолчу.
Лишь снежок на прощанье скатаю.
И опять улечу, улечу...
Что поделаешь, раз я летаю.

(«Через шесть часовых поясов...»)

Концепция любви в лирике Т. Шульги довольно близка ахматовской. Ахматова, как известно, «научила женщин говорить». Говорить о себе, о своих чувствах, о своей любви – «пятом времени года».

В ранних стихотворениях известной поэтессы первой половины XX столетия любовь также требует от любящих предельного напряжения сил, а потому названа «любовной мукой» и даже «любовной пыткой». Для лирической героини бамовской поэтессы, способной любить «до немоты», «до одури хмельной», так же как и для героини ранней Анны Ахматовой, любовь всегда – «мука», «казнь», «пытка»:

Не сравнивай меня с другими:
похожих женщин в мире нет.
Забудь мои глаза и имя, –
уже мой не сотрётся след.

Хоть сверхъестественною силой
мне стать не доставало сил,
возможно ли, мой нежный,
милый,
чтоб кто-то так тебя любил?..
И пусть другая будет другом
и бесконечно дорогой.
Но разве на такую муку
позволишь ты идти другой?
(«Не сравнивай меня с другими...»)

С символом «любовь», «любить» у неё неразрывно сочетаются представления о «печали», «грусти», «боли». Любовь лирической героини Шульги почти всегда драматична, часто трагична.

К стеклу горячим лбом
прижаться,
остановив глазами тучи,
и от усмешки удержаться,
сказав, что всё на свете –
случай.
Ловить на слове,
трогать вещи,
не придавая им значенья.
И быть всегда далёкой –
внешне
и внутренне от всех мучений.
Самой себе с весёлым чувством
внушить и верить –
всё прекрасно...
Да, это было бы искусством,
когда б не обернулось казнью.
(«К стеклу горячим лбом прижаться ...»)

Но, если героиня знаменитой предшественницы Шульги противится любви как року и, проявляя волю и характер, вступает в поединок с самим любовным чувством, то лирическая героиня бамовской поэтессы, осознавая стихийную природу любви, не пытается ей противостоять:

Ты прав...
И мы за всё заплатим.
Любой цене не удивлюсь.
Хватили счастья –
горя хватим...
Я знаю всё
и не боюсь,
не каюсь –
было бы нелепо,
когда так щедро нам дано,
любить болезненно и слепо.
Любить!
А после – всё равно.
Пусть хоть дождём
уйду дворами
в ту пустоту, как в высоту,
удары путая с дарами,
роняя лето на лету.
(«Ты прав...»)

Означает ли это смирение, что лирическая героиня Шульги слаба, бесхарактерна? Вряд ли. Сила её – в умении расстаться достойно, перешагнув через себя ради счастья и душевного спокойствия любимого человека. И если придется расстаться с любимым, героиня не будет мучить его ревностью, унижать словом, а просто попросит:

Давай друг друга отпустим,
как птиц отпускают из клетки:
дверцу открыл
и пусто,
только качнулись ветки...
Без объяснений горьких,
без осложнений мнимых,
как отпускают немногих,
как отпускают любимых...
Давай сэкономим друг друга
от боли, измены, грусти.
И там, за чертою круга,
давай друг друга отпустим...
(«Давай друг друга отпустим...»)

В поэзии Шульги любовь, как правило, бескорыстная и самоотверженная, всегда трагична, и заведомо обречена на страдания. От неё нигде нет спасения, ведь даже воздух в далёкой тайге, куда лирическая героиня уехала в надежде забыть о любимом, воздух цвета его глаз.

«В тайгу, на север, только дальше...
В движенье, в грохот поездов,
Без слов, без слёз, без писем даже.
Ни мыслей о тебе, ни снов...».

Да,
Так себе я приказала.
Казалось, выход найден – всё,
И оживлённый шум вокзала
С собой всю горечь унесёт...
Всё.
Мной самой конец положен
Всему, что мучило не раз.

...И вот тайга.
И дрожь по коже:
Здесь воздух цвета твоих глаз.
(«В тайгу, на север, только дальше...»)

Отличительной чертой личности поэтессы является не слабость и надломленность, а, наоборот, исключительная сила воли – она сама заканчивает отношения, как только понимает, что пришла пора расставаться, чтоб не мучить друг друга.

Не трогай ничего, что было.
Мечталось, виделось –
да сплыло.
Не сожалей, не вспоминай.
Пришли другие времена.
Не трогай ничего, что было.

Так много утекло воды,
что хуже б не было беды,

чем думать просто – ни о ком...
А ты мне даже не знаком, –
так много утекло воды.
(«Не трогай ничего, что было...»)

Мотив разлуки и разрыва в лирике Тамиры Шульги звучит не трагические и безысходно – знакомый облик женщины, разлюбленной и покинутой, встаёт перед нами не в горечи обманутых надежд, а в силе их принятия.

А я молчала – как кричала.
Твоя ль вина, что ты не понял...
Не надо начинать сначала.
Прошло, промчалось...
Не догоним.
Смотрю сквозь иней на ресницах,
хожу, спешу, почти бегу.
А рядом тень летящей птицы
остановилась на снегу.
(«А я молчала – как кричала...»)

Героиня Шульги мужественно переносит все трудности, понимая, что только через любовь-муку человек может познать себя, свою сущность, свои возможности.

Благословляю день и час,
Мне боль и радость подаривший.
Я всё же повстречала вас.
Я шла на свет, я шла –
и вышла.
Благословляю этот миг,
благословляю этот случай,
который сам собой возник,
позволив быть мне невезучей.
И ничего, что не навек
что путь был долог и безбожен, –
но я узнала:
человек
быть без любви собой не может.

Переживание воспроизводится точно, в кратких выразительных деталях, за которыми читателю нетрудно увидеть и почувствовать огромное душевное напряжение, смятение и боль.

Благодарю тебя за лето,
нежданно полное чудес,
когда кружилась так планета,
что на ветру склонялся лес.
И речка с хвойною водою
плескалась у горячих губ.
И, ослепляя наготою,
рос одуванчик на лугу...
За то, что золотистость кожи
была причиной немоты,
когда, пугая и тревожа,
смысл жизни назывался – ты.
(«Благодарю»)

Здесь напрашивается параллель уже с другим любимым поэтом Т. Шульги – А. Блоком. Для лирического героя цикла «Стихи о Прекрасной Даме» любовь – это испытание, благодаря которому наступает прозрение, становится подвластной мудрость жизни: «Чем больней душе мятежной, / Тем ясней миры».

Необходимо отметить, что отношение к Блоку у Шульги особое. В интервью она говорит: «Я очень люблю А. Блока, но не могу его принять всего. И причину этого отношу, прежде всего, к пробелам в собственном образовании. Например, стихи, которые касаются каким-то образом нашей религии. Я их просто не понимаю. Но это, пожалуй, моя беда. Я не могу, например, представить себе церковный хор, потому что я его никогда не видела и не слышала». («БАМ». 1988. 21 октября, с. 4).

Цикл «Стихи о Прекрасной Даме», пожалуй, более других блоковских циклов «завязан» на религиозных воззрениях поэта. В связи с этим возникает вопрос: насколько уместна проведённая параллель и имеет ли она право на существование? Безусловно, да. Обнаруженная общность мотивов ни в коем случае не преследует цели обозначить некое концептуальное сходство между любовной лирикой Блока и Шульги, а свидетельствует, скорее, об интуитивном, подсознательном приятии поэтессой того, что казалось неподвластным разуму.

Не случайно первый поэтический сборник «Летающие кони» (1977) открывает стихотворение «Уже давно не вижу детских снов...», пронизанное «детским чувством солнца и удачи!». Можно утверждать, что истоки позитивного отношения к жизни взрослой Тамары Шульги, светлый взгляд на мир идут из детства, в котором она беззаботно, легко и восторженно любила весь мир, и он отвечал ей взаимностью.

Уже давно не вижу детских снов,
Своё отжили духи и колдуньи,
И буква «Р» привычно стала в слог,
И на дрова пошли мои ходули.
Хоть чаще резкий ветер бьёт в лицо,
И счастье представляется иначе, –
я утром выбегаю на крыльцо
с тем детским чувством солнца
и удачи!

Особым светлым чувством освещены стихотворения, посвящённые собственному детству и сыну Диме, наделённого эпитетами: «кровиночка моя», «головастик мой», «хороший человек», «моё дитя, рождённое в любви», «сокровище моё». Они составляют один из самых удачных тематических блоков поэзии Тамары Шульги и содержат огромный оптимистический заряд.

Едва на дно хрустальной вазы
проник рассветный тонкий луч –
проснулся мальчик сероглазый
весёлым солнцем из-за туч.
На целый миг
в огромном мире
ко мне головкою приник...
И загремел по всей квартире
его железный грузовик.

(«Димка»)

Вообще, стихи, посвящённые сыну Диме, показывают ещё одну грань любви Тамары Шульги, пожалуй, самую главную – материнскую любовь.

Уют приятен городской,
а вот – манит тайга.
Лишь над таёжною рекой –
двойная радуга.
И с колокольчиком лесным,
сквозь тучи комарья,
шагает мой трёхлетний сын,
кровиночка моя.
А за болтом далеко,
где ягода брусника
так беззаботно и легко
зовётся им «грустницей» –
повис огромный алый шар,
как на рисунке детском...
восход, закат или птица-жар –
а всё не наглядеться.

(«Уют приятен городской...»)

Тамаре Шулъге радостно оттого, что у неё есть возможности идти по городу с хорошим человеком – своим сыном, держа его ладошку в своей руке.

Идём по городу вдвоём,
смешных следов бежит цепочка.
Мы всё увидим и поймём:
от звёзд – до жёлтого листочка.
И пусть ложится белый снег,
для птиц у нас всегда есть
крошка,
идёт хороший человек –
в моей руке его ладошка.

(«С сыном»)

Радостно и оттого, что ей посчастливилось петь у ночной кровати колыбельные песни для «родного головастика».

Полночь лунной дорожкой
бродит возле окошка.
Спи, мой сын, моё счастье,
мой родной головастик...

Всем сегодня приснится
голубая синица
да зелёная речка
прямо возле крылечка,
где на тоненьких ножках
олёнёнок в горошек,
звонко щёлкнув копытцем,
выбегает напиться.

(«Колыбельная»)

Радость, любовь и боль оттого, что её сын растёт и становится самостоятельным – одерживает одну из первых побед в своей жизни.

Совсем ещё рано,
минутку поспать бы,
под щёку ладони сложив.
Все детские раны –
до свадьбы, до свадьбы,
а нашим – уже не зажить.
Ах,
как тишина спеленала дорогу,
какое раздолье снам!
Но левый ботинок
на правую ногу
мой сын надевает сам.
Ему до меня никакого нет дела,
он выиграл первый бой.
А я ещё даже не чувствую тела,
и только – любовь и боль...

(«Утро»)

Ради жизни ребёнка, «рождённого в любви» Тамара Шульга готова принять «любую кару».

Сомнений и ошибок жизнь
полна,
случается, и злоба
ослепит,
и накрывает с головой
волна
из прошлого нахлынувших обид...

Меня, безбожницу,
в чём хочешь обвини.
Приму любую кару –
назови.
Но, Господи!
Спаси и сохрани
моё дитя,
рождённое в любви...
(«Молитва»)

Лирическая героиня в поэзии Тамары Шульги не просит у Бога ни богатств, ни славы, она стремится к спокойной, тихой, естественной по законам бытия жизни. Шульга, разговаривая с Богом, ориентируется и на третье лицо – слушателя, читателя, который имеет возможность прикоснуться к внутреннему миру автора через его тексты. Поскольку «в молитве человек стремится раскрыться максимально», то и молитвенная поэзия открывает все, что таится в сердце и душе автора.

Тамара Шульга «порой до чёртиков» уставшая видит возможность «спасти растраченное все» в способности детей, которые при помощи только лишь набора цветных мелков умеют найти вдохновение в жизни.

Набор цветных мелков –
и только,
а на асфальте перед домом
картинок разноцветных
столько –
хватило б всем моим знакомым.
Порой до чёртиков уставшим,
порой безудержно весёлым,
любить и верить переставшим
или от счастья невесомым..
И мне привиделось –
не поздно
спасти растраченное все,
раз так легко моря и звёзды
мальчишка в шортиках
рисует...
(«Набор цветных мелков – и только...»)

Редкий взрослый сможет признаться в том, что он всегда готов отвечать на бесконечные вопросы детей, сохраняя при этом спокойствие и выдержку. А Тамара Шульга видит в детской любознательности, ставящей родителей в интеллектуальный тупик – «порой не знаешь, что сказать» – возможность взглянуть на привычный мир другими глазами, открыть его заново, а быть может, вернуться на мгновение в своё детство.

Ах, эти детские вопросы!
Порой не знаешь сказать...
– А почему в полоску осы?
– А где у кошки тормоза?
– А как это – смеяться грустно?
– А ты меня возьмёшь с собой?
– А почему кочан капустаный?
– А почему – прошла любовь?
– Зачем медведь впадает в спячку?
– А где же крылья у летяг?
– Что значит – «Не пори горячку»?
– А я расту не от дождя?
– Бывает мир на всей планете?
– А мамы верят в чудеса?
И задают вопросы дети,
чтоб взрослым открывать глаза.
(«Ах, эти детские вопросы!..»)

В стихотворении «Качели» автор призывает взрослых не забывать, что они были детьми, помнить о вещах и предметах, безгранично расширяющих окружающий мир. Словами «у каждого в детстве остались качели», «пожалуйста, скрипа не замечай» Шульга, словно просит читателя хотя бы иногда воскрешать в себе то время, когда все мы были детьми.

У каждого в детстве остались качели.
Они заменяли и шторм и причал.
Качели ржавели, качели скрипели,
но тот, кто качался, –
не замечал.

Рассерженный дядя захлопывал окна,
и дворник грозился «скрипучку» снести.
Они же летали, мёрзли,
и мокли,
и вновь вырастали у нас на пути.
Уже мы давно, к сожалению,
не дети,
другие летают теперь по ночам...
И снова качает качели не ветер.
Пожалуйста, скрипа не замечай...

Детство в понимании Тамары Шульги – время, когда «всё необъяснимо просто» – смеяться, верить в чудеса, ощущать бесконечность времени.

Дожди, цветы –
начало лета,
Девчонкой загорелой мчусь.
и ни одной строки не спето,
и боль – не боль,
и грусть – не грусть.
Я знаю, где ты был,
где не был.
Сто лет, не меньше, до зимы...
И только молнии в полнеба,
и на планете – только мы...
Ещё необъяснимо просто
смеяться и смотреть в глаза,
и быть какого хочешь роста,
и всюду видеть паруса.
(«Детство»)

В стихотворении «Чердак» с лёгкими нотами ностальгии вспоминает Тамара Шульга детские годы, проведённые с бабушкой и дедушкой в далёком алтайском селе.

Чердачных тайн прозрачной паутиной
осталось детство где-то на Алтае.
И не вернуться по дороге длинной
к той лошади, которая летает...

Но до сих пор, когда бывает тяжко,
всплывает тот запущенный чердак,
осколок расписной старинной чашки
и на верёвке дедушкин пиджак.

Понимая, что в детство нет обратной дороги, автор осознаёт, что её «далёкое детство» навсегда останется с ней, так же как и алтайские горы, которые с годами не стали ниже.

Далёкое детство – мой горный Алтай...
Куда теперь деться?
Смирись и оттай.
Да здравствуют горы,
не ставшие ниже...
Проститься ль мне город
под серую крышей,
где утро и вечер – лишь свет на бегу?
Себя ли я встречу
теперь на лугу?
(«Далёкое детство – мой горный Алтай...»)

Взрослая Тамара Шульга, в стихотворении «Возвращаюсь? Улетаю?...», не надеясь, что её «кто-нибудь поймёт», признаётся родному Алтаю, горной речке Ануй, в том, что она их «пожизненный пленник».

Возвращаюсь? Улетаю?..
Вряд ли кто-нибудь поймёт.
Над Алтаем, над Алтаем
развернулся самолёт.
Там, стряхнув клочки тумана,
солнце – кисть зажав в руке,
утро красками Сарьяна
пишет горы вдалеке.
Опускалась на колени,
был глоток как поцелуй...
Я пожизненно твой пленник,
речка – горная Ануй.
Возвращаюсь. Улетаю.
Вряд ли кто-нибудь поймёт.
Над Алтаем, над Алтаем
Долго кружит самолёт.

Из цикла стихов о детстве незаметно вытекают и стихи о творчестве. «В своём кругу литературы не очень-то жалуют произведения подобного рода, называя их «стихами о стихах». Но у Шульги это получается так естественно, что не замечаешь заданности темы. Да и была ли такая заданность, когда она писала «Художницу»? – о девочке, которая нарисовала «листик» и он «зашелестел, рассудку вопреки». В этой девочке можно различить и саму Тамиру Шульгу, и её подруг по «Звену» – Надежду Пузыревскую, Жанну Ржевскую, Светлану Колесову, Марину Либину и многих других. Ведь с каждой из них в своё время случилось подобное чудо», – пишет Игорь Игнатенко («Амурская правда», 1985, 17 февраля, с. 4).

И не всегда ещё послушны кисти,
и вразнобой ход мысли и руки,
но на холсте рождающийся листик
зашелестел,
рассудку вопреки.
А девочка, потрянув упрямо чёлкой,
нахмутив брови, губу закусив,
стоит,
как провинившаяся в чём-то,
бессильно руку с кистью опустив.
Далёкая от мысли об искусстве,
нечаянно постигшая полёт,
от новизны болезненного чувства
сама себя никак не узнаёт...
(«Художница»)

Исповедальность поэзии Тамиры Шульги характеризуется интересом к «поиску себя», осуществляемый ею на всём протяжении творчества. Понимание назначения поэта и поэзии начинается с осознания «Легко ли пишутся стихи?».

Легко ли пишутся стихи?
Зимой и летом, каждой
ночью,
Как непрощённые грехи,
Листков исписанные
ключья...

Зачем?

сама не понимаю...

И пусть – рассудку

вопреки,

Но на покой не променяю

Сердцебиение строки.

В стихотворении «Здравствуй, здравствуй, дождь весенний...» образ дождя становится символом поэтического вдохновения:

Здравствуй,

здравствуй, дождь весенний!

Будь со мною, не спеши...

Жизнь моя, моё спасенье,

очищение души.

Моё призрачное счастье,

заходи, чего ты ждёшь?

Моё первое причастье –

голубой, холодный

дождь.

Слова «дождь», «жизнь», «спасение», «очищение», «счастье», «причастье» рождают ощущение гармонии в душе лирической героини, погружённой в творческий процесс. Но можно ли считать эту гармонию полной? Очевидно, нет. Более того, использованные эпитеты – «призрачное счастье», «голубой, холодный дождь» – свидетельствуют об обратном: это иллюзия счастья, гармонии, умиротворения.

В стихотворении «Чуть-чуть о поэзии», рассеивая сомнения читателя в правильности сделанного вывода, Шульга пишет:

В это слишком-то верить не надо:

не сплошные в поэзии клады.

Не она ли, всё понимая,

из колодца ведро поднимая,

превращает его в старый якорь,

предлагает отравленных ягод...

И уходит, земли не касаясь,

и смеётся:

«Вам всё показалось».

Тамара Шульга поднимает тему поэта и поэзии – одну из ведущих тем русских поэтов. Как здесь не вспомнить знаменитые ахматовские строки:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Но если финал стихотворения А. Ахматовой рождает положительные эмоции, то у Шульги в «Признании художника», являющемся логическим продолжением стихотворения «Чуть-чуть о поэзии», звучат совсем иные интонации.

Говорят – мы жить не умеем
и с годами совсем не умнеем,
а срываясь с обрыва в воду,
свято верим: удержит воздух
В жизнь входя,
как выходят на сцену.
вряд ли знаем игре этой цену.
Кисти, краски возьми –
и выложись...
Будь ты проклята,
моя живопись!
Каждый может иронизировать,
поболтать, посидеть,
попозировать...
А мне жить иногда не хочется
в этом самом процессе творчества.
Но так было. И вечно будет.
Жить без красок
не могут люди.

(«Признание художника»)

Лирическая героиня процитированного стихотворения не отрекается от судьбы и жертвует собой во имя человечества: «Жить без красок не могут люди».

Но даже обречённая «жить чужою жизнью», героиня Шульги не считает себя мученицей: она видит выход в том, чтобы самой стать

органичной частью стихии, именуемой творчеством. О подобном перевоплощении героини свидетельствуют уподобления и сравнения, часто используемые поэтессой:

Я сегодня буду ветром
В серебре ковыльном жить.
Буду мерить километры,
В рощах листья ворошить.
Буду форточками хлопать,
в парусах и мачтах выть.
Буду шёпот, буду ропот
В травах скошенных будить.
(«Я сегодня буду ветром»)

Анафора, повтор глагола «буду», а также использование его в середине первой и седьмой строк, свидетельствуют о твёрдом намерении героини не отступать от своих принципов, вопреки всему следовать по выбранному пути.

Эта же мысль звучит в стихотворении «Хочу взорваться в синей мгле...»:

Хочу взорваться в синей мгле
в полнеба молнией мгновенной
и броситься к моей земле,
как дождь,
внезапным откровеньем.

В связи со всем вышесказанным нельзя не упомянуть о стихотворении «Говорят строители», ставшем хрестоматийным, знаковым:

Мы дождями умыты
и исхлѣстаны ветром,
и не так знамениты,
как другие поэты.
Но в предутренней просини
здесь поэзия – с нами.
Днём рубившие просеки,
ночью бредим стихами.

Тамара Шульга называла это стихотворение «самым нелюбимым» из всего когда-то ею написанного. В интервью газете «Амурский комсомолец» она признаётся: «Для меня это удивительно и досадно, потому что это самое нелюбимое мною стихотворение. Да и писалось оно на спор с одним знакомым писателем, который утверждал, что я не смогу написать стихотворение на заданную тему. Я не понимаю, что в нём нашли читатели?» («Амурский комсомолец». 1986. 28 февраля, с. 4).

Отчасти с поэтессой можно согласиться: в стихотворении действительно нет сочных эпитетов, изысканных метафор, ярких сравнений, то есть всего того, что обычно работает на образ, делает его зримым, запоминающимся. Но в том-то и особенность таланта Шульги, что за нарочитой внешней простотой, обыденностью ситуаций, прозаичностью фраз она умеет «спрятать» глубокий смысл: умытые дождями и исхлётанные ветром – это те, кто прошёл своего рода обряд посвящения в поэты. Дождь и ветер становятся здесь знаками причастности настоящей поэзии.

Своими размышлениями о том, что быть поэтом – это тяжкий крест, от которого невозможно избавиться, Тамара Шульга делилась с Игорем Игнатенко в одном из писем: «Иногда устаю так, что начинаю подумывать, а не избавиться ли от стихов? В конце концов, большинство женщин живут и здравствуют без этих мук. Даже уже пыталась, но тогда я перестаю быть собой и вообще быть человеком». Вряд ли будет ошибочным предположить, что Тамара Григорьевна пишет стихи, потому что ей «невмоготу» держать их в себе.

Я покажу тебе страну –
Мою волшебную струну...
Её ты тронешь – и оттуда
вспорхнёт взволнованное чудо,
и, далью синею маня,
подарит ночь тебе коня...
В седло вскочи – и на рассвете
цветущий папоротник встретишь.
И зазвучат по лесу сказки,
причудливо роня краски.
И станет вдруг невмоготу
держат в себе всю доброту.
(«Я покажу тебе страну...»)

Природные явления дождь и ветер в лирике Тамары Шульги являются знаками внутреннего состояния лирической героини, отражающими её чувства, моделирующими отношение к миру, к происходящему вокруг.

Осенний дождь ловлю губами,
а он в ответ звенит стеклянно.
Уже всю сентябрь на БАМе –
и дождь, и ветер, и туманы.
Уже не пахнет ночь грибами,
к утру белеют топоры...
И на «большом» и «малом» БАМе
горят осенние костры.

(«Осенний дождь ловлю губами...»)

Образы дождя и ветра выступают в качестве самых заметных штрихов в обрисовке фона, на котором разворачивается лирическое действие. С их помощью отражена сложная гамма чувств лирической героини.

Скажу дождю:
«Побудь, останься».
Тебе скажу:
«Ушёл. Иди».
Со всем, что было мной,
расстанься,
я снова буду впереди.
И одиночеством и бурей,
и диким ветром над тайгой.
Я буду ласковой и хмурой
и, может быть, совсем другой.
Но над собой хотя бы сжался:
не замечай меня, иди...
Мне не сказать тебе – останься,
как не сказать дождю – уйди.

(«Скажу дождю: «Побудь, останься»).

Образы дождя и ветра Тамар Шульга чаще других наделяет человеческой сущностью, они как будто становятся «живыми» спутниками лирической героини.

Я в предчувствии осени
окна раскрою,
ветку клёна впущу
подоконник потрогать...
Обнажено-прозрачной
холодной рукою
дождь осенний берёт меня
властно под локоть.
И целует с утра в опалённые губы
обалдевший сентябрь
у чужого подъезда...
И бросаюсь я в день,
устремлённый на убыль,
в бесноватые листья,
не нашедшие места
(«Я в предчувствии осени...»)

А в стихотворении «Последний дождь» приём олицетворения положен в основу лирического сюжета.

Шёл со мной по улице,
мёрз на остановке,
почему-то хмурился,
был такой неловкий.
Говорить пытался
и никак не мог...
Всхлипнул, застеснялся
и почти умолк...
И, поплакав скупом,
превратился в снег.
И ушёл, –
так глупо,
словно человек.

Мир, в котором живёт лирическая героиня Тамары Шульги, является отражением реальности, сурового северного климата, когда «мгновенно было лето», и уже в августе «растворяется город в прохладном тумане»; а потом – «дождь и снег в проводах», и «ветер рвёт со стоном тучи»; и вот уже «зима взбунтовалась», «обложили

метели этот город таёжный» и «вновь заснеженный ельник встаёт на пути».

Доминирование образов дождя и ветра в лирике Шульги вполне мотивировано, она готова из мёртвых воскреснуть, «если начнётся дождь».

Верим или не верим,
Всё же упрямо ждём
Чуда за каждой дверью,
Солнца за каждым дождём...
В нагромождение радуг
Наши уходят пути...
Много ль для счастья надо,
Если любить дожди...
Окати водой небесной
Просто так, не за грош...
Я из мёртвых воскресну,
Если начнётся дождь...
(«Верим или не верим...»)

В дожде лирическая героиня черпает жизненные силы, благодаря ветру она очищается и обновляется, делается счастливой.

Всхрапывают кони,
ветер листья гонит,
злобно треплет гривы
и деревья гнёт...
И устав от бега,
на исходе века
ледяную воду
копь из речки пьёт...

Лето позабыто,
но звенят копыта,
на осенних лужах
разбивая лёд...
Не храпите, кони,
боль вас не догонит,
ветер не обидит,
время не убьёт...

(«Всхрапывают кони, ветер листья гонит...»)

В стихотворении «Ненастье» Тамара Шульга, соскучившаяся по теплему и яркому лету, просит у природы совсем немного – дать света и солнца.

Ветер рвёт со стоном тучи,
я лицо подставлю ветру:
это выход, но не лучший, –
дайте света, дайте света!

Распахни смелее, нежность,
светлоглазое оконце:
не хочу тоски кромешной,
дайте солнца, дайте солнца!

Тянет снежною порошей,
сколько дней ещё до лета...
Я прошу совсем немножко –
дайте света, дайте света!

Природные стихии – дождь, ветер, снег, метели – в стихотворениях Тамары Шульги не просто существуют сами по себе, но взаимодействуют с душой человека. Вернее человек существует с ними на равных внутри единой природы.

Он был прекрасен
этот снег,
повисший в переулке узком,
остановившийся навек...
Чистейший, незнакомый,
грустный.
Распльвчатый квадрат окна
за снегом спрятанного дома,
как очень близкая луна,
вокруг всё погружал в истому.
У чьей-то сломанной ограды
я, замерев, ждала чудес,
и в паутине снегопада
запутался соседний лес.

(«Снегопад»)

Наслаждаясь красотой зимнего пейзажа, поэт приходит к мысли, что для счастья нужно не так уж много. Возможность видеть искристые снежинки, понимать, что тебя ожидает чудо.

Тамаре Шульге, выросшей на Алтае, майский снег довольно обычный в тындинских местах показался чем-то необыкновенным.

Всё, что помню,
и всё, что знаю,
налетело метелью в мае...
И одно только я понимаю:
кто-то должен держать ответ
за рассветы, за закаты,
за бескрылых и за крылатых,
но скажи мне, куда, куда ты...
так спешешь через майский снег.
(«Майский снег»)

Майский снег такой и есть – воздушный, быстро уходящий и только оттеняющий красоту распускающихся изумрудных листовенниц и лилового багульника.

Лирической героине кажется, что с первой порошей, ощутив, чистоту мира, можно начать «всё сначала» также просто «как взять неисписанный лист».

Какой удивительно вечер хороший!
Не задохнуться бы от красоты
нежданно явившейся первой пороши
такой ослепительной чистоты.
И быт, и заботы куда-то умчало,
одно ощущение – мир этот чист.
И, кажется, будто начать всё сначала
так просто,
как взять неисписанный лист.
(«Первая пороша»)

Зима в восприятии Шульги – не безнадежное и грустное время года, а период просветления, возрождения, обновления.

Элегичность, светлая печаль – присущи большинству стихотворений Тамары Шульги. Может быть, поэтому одной из героинь её лирики является осень. От стихотворения к стихотворению неспешно

и вдумчиво рисуются им сменяющие друг друга осенние пейзажи – природные ландшафты и ландшафты человеческой души:

На закате осенней порой
обронила птица перо.
И, качнув облака и ветви,
подхватил его сизый ветер
и носил над сушей и морем,
и не думал, что мне на горе
на закате осенней порой
обронила птица перо.

(«На закате осенней порой...»)

Сентябрьская осень дарит яркие краски, одновременно вызывая грустные размышления о жизни, быстротечности и хрупкости всего сущего на земле. Эти стихотворения элегичны и меланхоличны, но наполнены необыкновенной светлотой и прозрачностью, лирической героине нечего скрывать от себя и от людей:

Ты кольцо своих дум разорви,
позабудь о прошедшей любви,
этак можно и умереть –
так звенела осенняя медь.

Хоть в озёрах всё та же вода,
и всё те же идут поезда,
повторить ничего не сумеешь –
так звенела осенняя медь.

Ошалело по кругу не мчись,
лучше новой любовью лечись, хочешь,
вместе с тобой буду петь,
– так звенела осенняя медь.

(«Ты кольцо своих дум разорви...»)

Тамара Шульга умеет легко и прозрачно словами передавать состояние природы и души:

Встану утром рано – рано,
тихо шторы отведу:

осторожные туманы
по утрам живут в саду...
Всё таинственно и странно
сквозь прохладное стекло...
Неужели от тумана
на душе светлым – светло?
(«Встану утром рано – рано...»)

Наверное, лишь поэт, встав «утром рано-рано», ощутив лбом и ладонями рассветное прохладное стекло, способен увидеть, как в саду живут, именно живут, а не опускаются, ползут осторожные туманы.

В поэзии Т. Шульги отражены различные состояния природы – летний дождь, туманы, облака – созвучные состоянию её лирической героини – снам, мечтам, чувства и ощущениям.

Я, пожалуй, не устану
ни любить, не удивляться
летнему дождю, туману,
снам, которые мне снятся.
Выпрыгну сейчас в окошко
и, от страха, чуть дыша,
облаков возьму немножко...
Ночь, как в детстве, хороша.
(«Я, пожалуй, не устану...»)

На пороге 2000 года, который принёс с собой новый век, Тамара Шульга, обратилась к «милому, доброму русскому человеку» с ободряющими словами «поверить в себя, воскреснуть, стать счастливым». Вряд ли мы ошибёмся, предположив, что строками стихотворения «Уходит год, к концу стремится век...» автор обнадёживает и себя.

Уходит год,
к концу стремится век...
В глазах твоих
усталость и тревога.
Мой милый, добрый
русский человек,

За краткий срок
уверовавший в Бога...
Под Новый год
за праздничным столом
Припомним всё,
что было всё же мило...
И, Родиной испытанный
на слом,
Поверь в себя,
воскресни,
стань счастливым.

(«Уходит год, к концу стремится век...»)

Стихотворения, написанные в 2000-е годы, стали новым этапом в творчестве Тамары Шульги. Её лирическая героиня жаждет домашнего тепла и уюта.

Вдали от города, на даче,
Когда огонь в печи горит
И тихо лес листвою плачет,
Набегавшись собака спит,

Во сне подрагивают лапы,
И скоро чайник закипит.
Я так всю жизнь прожить
могла бы...
Благословенны сентябри...

(«Благословенны сентябри»)

Учится находить радость в мелочах, в будничном течении жизни, в привычных явлениях природы.

Мне нравятся рыжие дети
И нравятся рыжие кошки,
Люблю, чтобы рыжее солнце
Заглядывало в окошки...

И очень люблю апельсины,
И мандарины... немножко.

И чтобы под небом синим
Гуляла рыжая кошка.

И хочется быть влюблённой,
Обманутой, хоть немножко,
Когда по траве зелёной
Крадётся рыжая кошка...

Мне нравятся рыжие дети,
Им нравится рыжая кошка...
Люблю, когда свежий ветер
Стучится в моё окошко.

(«Оранжевое настроение»)

Не желает отпускать лето, которое очень любила, и по которому тосковала длинными суровыми амурскими зимами.

Как быстро пролетело лето,
Обрушив на таёжный край дожди,
Пробормотав, что это конец света
И что-то вроде: «Солнышка не жди».
Залив водою города и сёла.
Размыв дороги и снеся мосты...
И вдруг проглянул небосвод весёлый
Почти забытой летней красоты.
Так, может, ещё песенка не спета,
Срастутся хляби и уйдёт вода.
И все-таки не будет конца света
Ни нынче, ни потом и никогда.
Туманный август, завершая лето,
Рассыплет по тайге свои грибы...
И будем жить мы, солнышком согреты...
Ведь есть же варианты у Судьбы.

(«Лето 2013»)

Описывает красоту бабьего лета, рисуя картины этого удивительного времени года, прекрасного и быстротечного, когда невозможно не заметить красоту природы, которая уже готовится отцвести и от этого выглядит ещё более удивительно. Максимально простой слог

выделяет эмоциональную часть произведения, создаёт атмосферу и буквально даёт почувствовать аромат того самого бабьего лета.

Уже сентябрь разливает краски,
Свернуло лето ласковые сказки,
А я вовсю ещё ловлю губами
Вкус августа, пропахшего грибами.

Листвой играет осторожно ветер,
Подхватит, понесёт, чуть-чуть повертит,
А после норовит у ног прилечь
Миниатюрный ярко-жёлтый смерч.

По всем приметам наступила осень,
И зря мы задержаться лето просим.
Хотя ещё зелёная трава,
Сентябрь уже вступил в свои права.

А на поляне, солнышком согретой,
Задумалось о чём-то бабье лето...
(«Бабье лето»)

Неспешно и вдумчиво Тамара Шульга создаёт сменяющие друг друга осенние пейзажи – природные ландшафты и ландшафты человеческой души.

Войдя в возраст «осени» Тамара Шульга всё чаще размышляет о том, что – впереди.

Мой милый постаревший пёс,
Не знаю сколько нам осталось...
В твоих глазах всегда вопрос,
В моих – тоска или усталость.

А на дворе опять весна!
Уже оттаяла скамейка,
Качает лапами сосна,
Ей солнце служит душегрейкой.

И с каждым часом тает снег,
Вон в луже чья-то сигарета...

Мой пёс почти что человек,
Он мне сказал, что скоро лето.
(«Пёс»)

Воскрешающая сила природы, по мнению поэта, способна творить чудеса. Она исцеляет душевные раны, наполняет жизненной энергией, дарит надежду.

С сожалением лирическая героиня Шульги признаёт: «Мой лифт на верхнем этаже...».

Я знаю, что такое боль,
Любовь, разлука и усталость,
И как непросто быть собой,
Когда в окно стучится старость.

Я знаю многое уже,
Чего и знать-то не хотела.
Мой лифт на верхнем этаже,
Но у души пока есть тело...

И есть друзья, и есть князя –
Никто ничем мне не обязан...
Мне вверх нельзя, и вниз нельзя –
Так крепко узелок завязан.

Пусть другу я скажу: «Прости!»
И он отпустит, это точно!
И лифт, как ветер просвистит,
Но кто внизу поставит точку?
(«Я знаю, что такое боль...»)

Так просто и в то же время оригинально сказано о той поре человеческой жизни, когда молодость уже далеко позади, а зрелость на исходе.

Не увяданье – просто сон,
Природа, видно, подустала.
Кружит листья печальный сонм,
И, как всегда, нам лета мало.

Горит костёр, трещат дрова,
И пёс сидит, в огонь уставясь.
Природа всё-таки права,
Коль столько лет живёт не старясь...

За чередой долгих зим –
То щедростью пахнёт, то стужей.
А пёс всегда неотразим,
И потому он так нам нужен.

Пройдёт осенняя пора,
Ничьей печали не умножив...
Как хорошо, что со двора
Наш верный пёс уйти не может.
(«Осень»)

Лирика 2000-х годов – это познание Тamarой Шульгой не столько себя, сколько мироздания, размышления не столько о Времени, сколько о Вечности. Пространство поэтического мира поздней Шульги становится разомкнутым. Лирическая героиня начинает задумываться об исчезнувших цивилизациях, её взор нередко бывает обращён в чистое небо, где дожидается «молчаливый ангел».

У Ангела ни имени, ни плоти,
Он сам себе и тело, и душа,
Ему неважно, как вы назовёте
Тот миг, когда не сможете дышать.

Он просто Ангел. Маленький и нежный,
Трепещут крылья за его спиной...
Он – солнца луч, букашка и подснежник,
Совсем незримый и такой земной.

Ему не страшен бог жестокий Агни,
Он не боится гнева и огня.
Хранит меня мой молчаливый Ангел
И в чистом небе где-то ждёт меня.
(«Ангел-хранитель»)

А «душа, подвластная инстинктам древним, / острее воспринимает даль и высь».

В февральском ветре что-то есть весеннее.
Хоть обжигают щёки холода,
Вдруг на ветру настигнет потрясение –
Так пахнет только талая вода.

Дрожат от ветра голые деревья,
Но в каждой ветке чувствуется жизнь.
Душа, подвластная инстинктам древним,
Острее воспринимает даль и высь.
(«В февральском ветре что-то есть весеннее...»)

Впрочем, обо всех душевных поисках Тамиры Шульги рассказывает стихотворение «Вечность»:

Декабрьское море светилось, как летнее.
Как летнее, галькой призывно шуршало...
И ластилось к берегу тысячелетнему,
И этим любовь его разрушало.

А берег был счастлив, скалист, неприступен,
Держал кипарисы на сильных ладонях.
И думал, что он никогда не отступит,
А если отступит – то море догонит.

И тайны исчезнувших цивилизаций
Они сохраняют, как и прежде бывало:
Холодные волны на берег ложатся,
И в море уходят деревья и скалы.

Как и следовало ожидать, новое содержание потребовало новой формы. Случилось то, к чему в последние годы так стремилась Шульга. И. Игнатенко она писала: «Я всё делаю попытки вырваться из своих восьми строк...». Да, со временем многое изменилось в творчестве бамовского автора. Но осталось неизменным твёрдое убеждение в том, что жизнь продолжается вопреки всему:

Мне в детстве снился белый конь,
Летящий по дороге чёрной...
Плывёт луна, горит огонь,
Но рядом кто-то обречённый.
И всё бы было хорошо,
Когда бы я помочь успела...
Но ночь прошла, и сон ушёл,
И растворился конь мой белый.

В потёмках сумрачной души
Копытом высек он огонь...
С тех пор душа моя спешит
Всегда туда, где белый конь.

Но, кажется, замкнулся круг –
В сугробы выпала роса,
И мальчик, маленький мой внук,
Увёл коня на небеса.

(«Мне в детстве снился белый конь...»)

Поэзия Тамары Шульги – поэзия мыслящего и познающего чувства. Она обращена к внутреннему миру лирической героини, к вечным темам: любви и смерти, природе и творчеству, дружбе и вере – при этом поэтесса пропускает поток впечатлений сквозь призму своей души и, прежде всего, выстраивает их в свою образную систему, подчиняет законам своего поэтического мира. При всём тематическом многообразии поэзия Тамары Шульги являет собой единое симфоническое целое. Многочисленные отточия в стихотворениях подчёркивают смысловую неограниченность, заставляют задуматься: а что же осталось «за кадром», за словно бы оборванной строкой.

Спокойный, душевный разговор с читателем, склонность к интеллектуальной насыщенности художественного слова и образа, вдумчивый анализ и конкретная бытовая детализация, а вместе одушевление природы и окружающих вещей и предметов – отличительные черты поэзии Тамары Шульги.

«Неповторимый взгляд на жизнь...»: проза

*Туманный август, завершая лето,
рассыплет по тайге свои грибы...
И будем жить мы, солнышком согреты...
Ведь есть же варианты у Судьбы.*
Тамара Шульга

Первые, но вполне уверенные шаги по направлению к малой прозе Тамара Шульга сделала ещё в конце 1980-х годов. До выхода в свет долгожданной «Осенней мелодии» публиковалась на страницах периодических изданий.

Очевидные успехи поэтессы в прозаическом жанре И. Игнатенко прокомментировал так: «Наверное, именно этот жанр помог найти способ рассказать о том, что ну никак не отвечает её творческому методу в поэзии».

Первым прозаическим произведением Тамары Шульги стал рассказ «Пневмония», опубликованный на страницах газеты «БАМ» 10 января 1990 года.

Рассказы Шульги, по словам И. Игнатенко, «такие же миниатюрные, как и все её стихи». Во всём остальном проза не имеет ничего общего с её поэзией: стремительно развивающееся действие, добрый юмор, а главное, разнохарактерные персонажи – живые, настоящие, непридуманные.

Филаретовна – героиня рассказа «Хобби» – проживая в курортном городе, каждое лето сдаёт комнату отдыхающим. В отличие от других хозяев, видевших в постояльцах только источник дохода – «лишь бы платили вовремя», Филаретовну «постояльцы интересовали», и на постой она пускала далеко не всех, и, как сама говорила: «Мне «ералаи» ни к чему, вот люди культурные и семейные – другое дело: гостей не водят и по ночам не шастают... Ну а дети... так они завсегда орут и прыгают, что я не понимаю что ли? Лишь бы фузму (что на языке Филаретовны означало хурму) раньше времени не тревожили, но это я сразу предупреждаю. Ну а так, чаво... пусть живут, плотют же».

Филаретовна очень любит щеголять в разговоре новыми словами, не всегда правильно произносимыми или используемыми не в том значении. Как поясняет автор: «Она вообще любила пополнять свой словарный запас за счёт летних постояльцев, а зимой удивлять со-

седей «образованностью». Поэтому речь Филаретовны изобилует языковыми «перлами»: «шизохреник» (шизофреник), «опис» (офис), «ультимат» (ультиматум) в значении «матерная лексика» («Мишка кроет меня ультиматом»). «Раз в неделю делала «гениальную» уборку, а раз в месяц ездила на «автобасе» в «совбез».

Комическое содержание образа Филаретовны раскрывается не только посредством её речевой характеристики, но и через сюжетно-композиционное своеобразие рассказа.

В любом деле Филаретовна проявляет крайнюю степень заинтересованности. Она весьма внимательна к своим постояльцам, а иногда даже принимает участие в возникающих семейных конфликтах. Так, пытаясь наладить отношения в семье постояльцев, Филаретовна «обогатила» свой лексикон – словом «шизохреник». *«Семья с виду была вполне приличной: муж, жена, две девочки-погодки, но вот ругались они безбожно и, по мнению Филаретовны, беспричинно. Разве может быть причиной то, что мужик забыл молока купить? Она даже попробовала вступить за постояльца, тогда и услышала это понравившееся слово:*

– Знаете, Филаретовна, он всю жизнь такой... Я посылала его именно за молоком, а он принёс всё что угодно, но только не молоко... Ещё и обиделся, он и дома такой. Заберёт девчонок из садика, приведёт во двор, сам сядет с мужиками в домино стучать, а они носятся – того гляди шею свернут... Только шизофреник может оставить детей четырёх и пяти лет без присмотра!

– Знамо дело, больной, – согласно кивнула Филаретовна, а словечко взяла на вооружение».

Автор показывает нам, что героиня, не пытаясь разобраться, кто прав, а кто виноват, поочерёдно занимает сторону то одной, то другого.

Несмотря на все чудачества Филаретовны, знакомые понимали её, до тех пор, пока она не увлеклась разгадыванием кроссвордов настолько «что по пятницам с раннего утра начинала поджидать почтальона у калитки: в местной газете в номере с программой кроссворды были всегда. Филаретовна брала газету, поспешно уходила в дом, и в этот день её никто уже не видел».

«Со всей страстью любознательного, но недоучившегося человека» героиня «обрушилась» на кроссворды. Желая во всём соответствовать своему постоянно «расширяющемуся» кругозору, Филаретовна преобразилась даже внешне: *«...перестала ходить в магазин в домашнем халате, купила новую хозяйственную сумку с кармашка-*

ми взамен потрёпанной, сшитой когда-то собственноручно. Стала чаще улыбаться, ходить на море и даже будто помолодела. У неё появилась тайна, и она снова почувствовала себя женщиной, даже губную помаду купила».

О том, как далеко зашла Филаретовна в стремлении произвести впечатление на окружающих, особенно на подругу Катерину, Шульга рассказывает в финале произведения. Авторское «разоблачение» подобно взрыву, доводящему комическое содержание образа до предела: *«Получив газету с очередным кроссвордом, она осторожно карандашом вписывала слова, как Бог на душу положит, а дождавшись номера с ответами, поверх карандаша вписывала слова шариковой ручкой. Пусть Катерина видит, какая она умная! Теперь уж она не скажет, что «ты ни одной книжки не прочитала». У Филаретовны есть ответ: «А ты ни одного кроссворда не отгадала».*

В заключение рассказа мы узнаём, что воспоминания об открывшихся новых словах заставляли Филаретовну улыбаться. По прочтении этой миниатюры остаётся светлая грусть от того что, в сущности, необразованный человек, нашёл утешение и радость в узнавании новых слов, которые он использует в своей речи неправильно, но это расширяет его картину мира, дарит положительные эмоции.

Вряд ли найдётся читатель, который останется равнодушным к судьбе Ленки из одноимённого рассказа – девочки-подростка, оказавшейся после замужества матери лишней в «новой» семье.

Мать обвиняет дочку в эгоизме и не понимании, но сама в погоне за своим женским счастьем не думает о состоянии девочки, которая, по словам бабушки, «мешать матери устраивать свою жизнь не имеет права». Взрослые даже не поинтересовались мнением подростка о новом маминном муже, хотя дядя Коля, весёлый и добрый, нравился Ленке. Почувствовавшая страшное одиночество девочка пришла к единственно верному по её мнению выводу: *«В конце концов, дядя Коля или папа, какая разница, если маме нет до неё никакого дела, пожалуй, она не сразу заметит, если Ленка сбежит куда-нибудь или умрёт...».*

Переехав на время к любимой тёте Наташе в небольшой «городок с искрящимся названием Слюдянка» на берегу Байкала, Ленка сразу почувствовала себя счастливой. *«Наташу она любила всегда, Наташа возилась с ней, когда, будучи совсем маленькой, другим взрослым она только мешала. С Наташей она научилась ходить и читать, хотя уже не помнила, как это было. Наташа её учила плавать и кататься на велосипеде».*

Но радость Ленки была недолгой. Однажды ночью девочка услышала, как тётя Наташа с мужем Виктором, вернувшись из кино, просто ради интереса распечатали над кипящим чайником и прочли её письмо, адресованное подруге Лидке. Душа подростка, израненная разводом и предательством отца, сразу же после этого забывшего о дочери (*«родной отец не вспомнил о Ленке ни разу за три года. Сначала девочка скучала, а потом смирилась и стала забывать»*), не могла принять очередную ложь. *«Ещё не веря услышанному, Лена рывком села на постели. Неужели Виктор читает письмо, которое она написала Лиде?! Наташа, как же Наташа? Ведь она сама говорила: «Читать чужие письма подло!». Лене хотелось выскочить на кухню, выхватить письмо у Виктора, закричать, но она не могла шевельнуться, даже дышать не могла, внутри будто клапан какой-то захлопнулся, девочка хватала ртом воздух, но не издала ни единого звука. В висках больно стучало:*

– Наташа предала меня! Всё – ложь! Она читает моё письмо вместе с Виктором и даже хихикает, как же так, если даже Наташа способна предать... Значит она соврала, когда говорила, что я нужна маме и увезти на Байкал в голову пришло ей, а не маме. Лена очень тихо опустила на подушку, мысли лихорадочно метались в её голове, сердце стучало так, что, казалось, его должны услышать на кухне, но там уже заклеивали прочитанное письмо. Наташа сердилась, Виктор шёпотом оправдывался.

Никто из них не слышал, как плачет Ленка, она и сама не знала, что плачет. Слезы непрерывным ручейком скатывались по щекам и впитывались в полушку. В полной тишине рушился Ленкин мир – от стыда предавших её взрослых, от невозможности что-то исправить, от обиды на маму, которая не нашла места для Ленки в своей новой замужней жизни».

На следующий день Ленка не пошла в школу, а отправилась на берег Байкала, который «дышал и ворочался в утренних лучах солнца».

Открытый финал рассказа – повод для размышлений о том, как велика ответственность каждого человека за судьбы близких, как сильно могут ранить даже совершенно безобидные на первый взгляд поступки.

В рассказе «Что-то другое...» действие разворачивается на фоне трагических событий первой половины XX века: революции октября 1917 года и войн – Первой мировой, Гражданской и советско-финской. Шульга не стремится дать оценку этим событиям ни от

своего имени, ни от имени персонажей. Её рассказ о другом: о «вещем сердце» Фени, любящей жены и матери, всей душой переживая за родных людей, она предчувствует выпадающие на их долю беды и радости. Однажды она удивила всю деревню, когда по окончании Первой мировой войны «не бегала на причал, как другие бабы к каждому пароходу», «но однажды в сентябре 1918 года проснулась среди ночи, будто от стука в окно». «А утром на виду у всей деревни в платье в мелкий цветочек Феня не шла, а парила над землёй в сторону причала. Владимир увидел её издали, помахал рукой, она махнула в ответ.

После первых молчаливых объятий и поцелуев он спросил:

– Как узнала, что этим пароходом еду?

Феня молча прижала руку к сердцу».

Недолго Владимир дома побыл, снова ушёл воевать, теперь уже с Колчаком – началась Гражданская война.

«И снова Феня знала день и час, когда Владимир был ранен: ребёнок во чреве первый раз ворохнулся. Феня положила руку на слегка округлившийся живот:

– Что ты, маленький, папку не убьют, может ранят, так он солдат, куда денешься.

И его не убили, а над раной своей он смеялся: «Зажило как на собаке». В бою белогвардеец зацепил его шашкой, средний палец правой руки отлетел, как не бывало. Через неделю Владимир был уже снова в строю».

Муж Фени «успел повоевать и с кулаками, и с финнами и свято уверовал, что в груди его жены бьётся вещее сердце, только как-то обиженно удивлялся». Владимир сомневался, что провидческий талант Фени – от большой любви к близким: «Любовь, любовь. Я, может, ещё пуще люблю, а вот Аньку в поле родила, а я как ковал в кузнице лошадей весь день, так и ковал. Хоть бы где-нибудь ёкнуло. Вечером пришёл домой, а у меня дочь. Спасибо соседям, привезли с поля, так что любовь тут ни при чём, что-то другое, видно, есть».

Открытый финал рассказа – повод для размышлений о том, что может быть выше любви.

Важное место в прозе Шульги отведено образам животных. Отношение к братьям нашим меньшим – один из способов характеристики персонажей-людей в рассказах «Том», «Такая странная собачья жизнь-2», «Из любви к искусству» и др.

В рассказе «А жизнь прекрасна...» – история щенка, родившегося не как другие щенки весной или осенью, а в начале лета. Животные показываются в конкретных и занимательных сюжетных ситуациях. Теплое чувство автора к щенку передаётся и читателю. «Зато он во дворе самый маленький, и даже воинственный пёс Пират с рваным ухом и шрамом на носу не прогоняет его от украденной где-то кости. И маленькие люди, которых все называют «дети», угощают его печеньем...».

В повествовании присутствуют реалистическое описание характера и повадок собаки, драматичность сюжета, объективная манера изображения животного, большое эмоциональное содержание.

Основным приёмом создания образа животного является приём антропоморфизма, который заключается в «очеловечивании», в уподоблении животного человеку: автор наделяет щенка мыслями и чувствами, свойственными людям. Забавно читать мысли щенка об отношении к нему дворовых детей. *«Вот только бы не хватали, а то – хват и понес. От страха щенков иногда взвизгивал и начинал лизать похитителя, куда попало, обычно попадало в лицо. Сами посудите, приятно ли лизать что-то лысое, когда у каждого уважающего себя существа мордочка, как и всё тело, должна быть шерстяной. Да чего не сделаешь с перепугу...».*

Психику безымянного щенка Тамара Шульга раскрывает двояким способом: путём размышлений самой собаки и путём авторской интерпретации его психических состояний. *«Но больше всего щенка интересовал большой серый кот, каждое утро выходивший из подъезда с важным видом. Встряхнуть бы его хорошенько за шиворот, чтобы не важничал... а кота никто не трогал и щенку не советовали. Вот и ходило это серое чудовище, презрительно глядя на собак и людей. Один раз щенок не выдержал, подкрался-таки, когда кот разомлел на солнышке. Только хотел ухватить, как кот вскочил, выгнув спину, страшно ощерился и зашипел. Щенок так перепугался, даже не понял, что жуткий вопль, обрушившийся на него, ему и принадлежал. Бежал, пока совсем не запутался в траве, чуть не заблудился, но навсегда запомнил: все беды от котов. Проглотить, может, и не проглотит, но покалечит, это уж точно».*

Шульга словно наблюдает за щенком со стороны и одновременно входит в его внутренний мир, передаёт его ощущениями происходящие события. Основная часть повествования субъективируется: на первое место выдвигается позиция щенка. Используя то авторскую позицию, то позицию щенка, то, совмещая обе, автор вводит читате-

ля в мир животного. Эти приёмы позволяют Шульге «очеловечить» щенка, показать его, как думающее и чувствующее существо, способствуют его индивидуализации. *«Прошло лето. Щенок познавал жизнь: что-то нравилось, что-то нет, но он научился приспособиваться. Кота лучше не замечать, а девочку Таню надо защищать, даже если самому страшно. На Таню, правда, никто не покушался, но у щенка было сильно развито чувство долга, и он каждый раз реагировал на «провокации», когда кто-нибудь из детей во дворе делал вид, что хочет ударить или толкнуть Таню. Он злился, лаял, но все смеялись, поэтому старался больно не кусать, а так, припугнуть... Хотя понять шуток на эту тему он не мог».*

Текст насыщается словами с семантикой эмоционально-чувственной сферы, свойственной людям. Эти приёмы позволяют автору «очеловечить» щенка, представить его читателям, как думающее и чувствующее существо. *«И этот день обещал быть интересным. С неба падали белые холодные пушинки, щенок первый раз услышал слово – снег. Ах, как было здорово зарываться носом в это новое слово, как смешно скользили лапы! Но больше всего щенка удивил кот: он стал меньше раза в три и вёл себя как-то странно: не хотел шипеть и выгибать спину, только забирался повыше и предостерегающе поднимал лапу. В мире что произошло. Чтобы лизнуть кого-нибудь из детей в лицо, больше не нужно было прыгать высоко-высоко, достаточно было только чуть-чуть подпрыгнуть. Во дворе звучали детские голоса. Щенок носился на бешеной скорости, хватал за пятки мальчишек, они падали и хохотали, а кругом всё было белым, чистым, щекочущим».*

Резвясь во дворе вместе с детьми, щенок наткнулся на припорошенный первым снегом кусок арматуры. *«Никто не понял, что произошло, когда после очередного весёлого прыжка щенок коротко взвизгнул и остался на месте. По белому снегу злое пополз алый тонкий ручеёк. Двор онемел, дети стали осторожно подходить к щенку, он непонимающим взглядом затуманивающихся глаз ещё пытался удержать перекошенное ужасом лицо Тани... Пытался понять, в чём провинился. А из груди щенка жутко торчал кусок арматуры и на припорошенной снегом бетонной плите ещё чётко виднелись следы его поскользнувшихся лап. Как плакали дети, и что говорили взрослые, он уже не слышал...».*

Открытый финал рассказа – повод для размышлений о том, как неожиданно, порой, обрывается жизнь.

В рассказе «Мысли Чёрного Кота», написанном от лица животного, Шульга стремится вызвать у читателя не только улыбку, но и задуматься о том, что у каждого существа свои «представления» о жизни, свои «радости» и «огорчения», и человек должен с ними считаться.

Чёрный Кот является одновременно и автором, и героем одноимённого рассказа, который, излагая свои житейские воззрения, знакомит читателя с условиями своего существования.

Кошек издавна наделяли характером и человеческими способностями. Во многих художественных произведениях кошка выступает мистическим двойником человека. Избрав в качестве литературного образа именно образ кошачий, Шульга тонко подмечает особенности непосредственно кошачьего характера. Она не пытается представить кошку в наиболее выгодном свете, и это не умаляет ни любви писателя к кошкам, ни уникальности и неординарности кошачьей натуры.

Чёрный Кот не может простить людям, что они дали ему имя Котя. *«Да, откликнулся именно на это имя, но не потому, что оно ему понравилось. Просто надоел поток слов, которые произносили этот противный мальчишка и ещё более противная девчонка «Аскольд, Барсик, Князь, Шериф, Васька – тьфу, вспоминать противно! а потом вошла хозяйка и сказала:*

– Тише, дети! Котя, выбирай, на какое имя откликаться – и я дурак, попался, пошёл к ней. Три года терплю это «именное» надругательство, вся жизнь кувырком! Чёрный Кот сидел на телевизоре и сквозь оконное стекло задумчиво смотрел в никуда. В котовой душе скребли мыши».

И это обстоятельство он воспринимает как трагедию всей своей жизни. Чёрный Кот уверен, что *«от него целый класс кошачьих произошёл: все тигры, пантеры, львы... всего лишь кошки. Да если они узнают, что их родоначальника зовут Котя, они же просто вымрут».*

Читателя рассказов о животных Т. Шульги увлечёт авторское искусство проникновения во внутренний мир собак и кошек. Это искусство «перевоплощения» проявляется в том, что Шульга передает психофизиологические процессы, характерные для животных, в человеческой интерпретации, – персонифицирует животных. И делает это Т. Шульга очень убедительно, читатель поверит ей, ибо увидит в этом тонкие авторские наблюдения над домашними животными. Характерные для отдельных животных повадки Шульга раскрывает не столько путём описания, сколько в ярких, конкретных фактах,

в естественном движении сюжета, в наиболее значительных событиях развивающегося действия.

Рассказы Тамары Шульги о животных совершенны и по форме, и по содержанию, они лишены какого-либо дидактизма и морализаторства, воздействовать на читателя через его эмоциональную сферу.

В автобиографическом рассказе «Том» (2004) Тамара Шульга выразительными штрихами нарисовала портрет дедушки – доброго, чуткого, с хорошим чувством юмора. Невозможно удержаться, чтобы не процитировать один из фрагментов, когда на слёзный протест внучки-дошкольницы не называть собаку её именем – Томка – дедушка отвечал:

«Да какая же ты Томка?! Ты у меня Тамара, вон какая глаза-стая! А у него хвост крючком, – дедушка смеялся, – а у тебя и вовсе нет, правда, лапы у него, однако почище будут...»

Я, продолжая всхлипывать, посмотрела на испачканные руки:

– Деда, у меня же не лапы, а руки...

– Конечно, если помыть, руки будут, а так... что-то больно на лапы похоже...»

О бабушке – верующей во Христа и рассказывающей о его рождении с такой интонацией, что внучка ни на секунду не усомнилась в правдивости её слов, – рождественская история «Шарфик для Иисуса», написанная 30 декабря 2008 года.

Повествование ведётся от лица взрослой женщины, которая вспомнила рождественскую историю, произошедшую с ней в детстве. *«Лет до пяти я думала, что Новый год и Рождество один и тот же праздник, просто разные люди, называют его по-разному. Соседский мальчик Толик, вообще, называл его одним словом – «ёлка».*

В канун Рождества дедушка по просьбе бабушки привёз внуку к ним на пасеку. *«И вот я сижу за столом и потому, как бабушка произносит слово «Рождество», понимаю, что это вовсе не ёлка и не Новый год. Тут же возникает вопрос: «Бабушка, а что такое Рождество?».*

Бабушкин ответ на вопрос внучки служит обрамлением основного сюжета, в ходе которого возникают внезапные повествовательные ходы, придающие произведению занимательность. *«И бабушка, не спеша, накрывая на стол, начинает рассказывать совершенно невероятную историю о городе Вифлееме и о мальчике, родившемся в пещере. Мне интересно и страшно. Я знаю, что такое пещера, дедушка летом показывал. Это совсем не далеко, но там темно*

и холодно даже летом... С ужасом я представляю голенького младенца в холодной каменной норе».

Далее Тамара Шульга показывает, как рассказ бабушки о рождении Иисуса Христа разбудил сострадательное и любящее настроение маленькой девочки, решившей согреть младенца, родившегося в пещере, своим Рождественским подарком – радужным шарфиком. *«Шарфик был тёплый, пушистый, а главное – всех цветов радуги, причём цвета чередовались как в настоящей радуге. Шарф няня Маруся вязала тайком, а вчера подарила мне: «А это тебе радуга на Рождество...». Слово «Рождество» меня никак не зацепило, а вот радуга... Я весь день играла с шарфиком: сворачивала, разворачивала, накидывала на плечи, крутилась перед зеркалом. Мне казалось, что в шарфике живёт лето. Яркое, тёплое...».*

Пятилетняя девочка настолько была потрясена историей, рассказанной бабушкой, что с детской искренностью, непосредственностью и чистотой приняла мгновенное решение – обогреть новорождённого в пещере. Быстро свернув шарфик, сунув ноги в валенки, взяв бабушку за руку, маленькая девочка с большим сердцем сказала: *«Пойдём!»*. *«Куда?» – ошолбенела бабушка. «В пещеру, я знаю где... Мне Маруся другой шарфик свяжет, а этот мы подарим мальчику. Ну, скорей, бабушка, он же замёрзнет – я тянула за руку бабушку к двери, не замечая её растерянного взгляда, не видя, что дедушка отложил газету и тоже смотрит на меня, будто в первый раз видит».* Дедушка с бабушкой увидели перед собой внучку, способную любить, быть нежной, готовой к самопожертвованию – пятилетний ребёнок, не раздумывая, показал пример высшего милосердия, сопереживания и участия.

На мгновение опешившие взрослые по-разному отреагировали на поступок внучки. *«В глазах дедушки заплескались весёлые искорки, и он окончательно отодвинул газету, видимо, рассчитывая на интересный спектакль «Рождество для ребёнка из семьи атеистов».* Родители не были верующими и на эту тему никогда с нами не говорили». Вышедшая из оцепенения бабушка, похвалила девочку за то, что она не пожалела шарфик, и объяснила, что рассказанная ею история произошла очень давно «и не в наших пещерах это было. Иисус давно вырос и теперь сам помогает людям». Выяснив, что Иисус помогает всем, включая и юную героиню рождественской истории, девочка интересуется: *«А почему я его никогда не видела?»*. На что незамедлительно получает ответ: *«Может, и видела, да не узнала, он в каждом хорошем человеке живёт...».*

Светлый и радостный финал, присущий всем рождественским рассказам, присутствует и в данном произведении. *«Главное, я была спокойна за мальчика в пещере: если он вырос, значит, кто-то другой отдал ему свой радужный шарфик... С этой мыслью я и заснула, подложив свёрнутый шарфик под щеку. Мне снились лето и маленький мальчик. Он был моим братом, я была его сестрой, мы гуляли по берегу реки, взявшись за руки, а высоко в небе над нами летал мой шарфик... И мы смеялись и называли его радугой...»*. Засыпает девочка абсолютно счастливой, её психологическое состояние напоминает блаженство.

Тамара Шульга оставаясь в русле русской реалистической традиции, сохраняет незыблемость образа ребёнка как носителя этической нормы. Опираясь на традиционные для рождественского рассказа темы, мотивы, сюжетные ситуации, она стремится, прежде всего, вызвать у читателей чувство сопереживания, сострадания, сочувствия. Ей важно, не только занять внимание читателя, но и дать доброе направление его мыслям, чтобы у него «о ком-нибудь болело сердце».

Тамара Шульга является автором ещё одной рождественской истории «Домой», героиня которой 13-летняя девочка в канун Рождества, в первый день каникул – 24 декабря, решила самостоятельно преодолеть 12-километровый путь для осуществления своей мечты – «скорей увидеть маленького брата, которого не видела целую неделю».

Чудесный смысл описываемому событию придаёт восприятие повествователя. В экспозиции рассказа, автор рассуждает о месте чудес в жизни и человека и его отношении к ним. *«Много всяких чудес случается с человеком за всю жизнь, только помним мы почему-то не обо всех. Иногда всплывает в памяти что-то смутное, без деталей и ощущений, и опять пропадает, оставляя глубоко в душе лёгкую неясную тревогу. Я тоже забыла эту давнюю историю, а сейчас вдруг вспомнила...»*.

Тамара Шульга вселяет в читателя веру в благополучный исход самым движением повествования. Героиня-подросток *«рассчитывала дойти часа за три: бодро шла по накатанной дороге, мечтая, как славно проведу дома десять дней»*. Затем началась метель, блуждая в крошечной тьме, девочка вышла к городу, из которого ушла несколько часов назад. *«От такого открытия я села прямо в сугроб, покрутила головой, показалось – метель утихает, я встала и вновь пошла во тьму, ибо редкий человек в 13 лет способен отказаться во имя благоразумия от мечты»*. Метель утихла, на небе появились звёзды, уставшая

героиня присела на край бревна, вмерзшего в лёд реки, и услышала приближающийся звон колокольчика. *«Низкорослая монгольская лошадка появилась передо мной как из-под земли и встала как вкопанная. С саней слез довольно старый (по моим тогдашним меркам) бородатый дед в собачьем тулупе до пят»*. Доставив девочку до её посёлка, отвечая на её вопрос, кто он, добрый дед представился Дедом Морозом.

Произошедшее рождественское чудо получает в устах матери реалистическое объяснение. *«Дома за моё «путешествие» меня почему-то никто не похвалил. Мама, опуская пельмени в кипяток, ворчала что-то о том, что «этот ребёнок (то есть я) своей смертью не умрёт», а когда я, оправдываясь, рассказала о том, как ехала на санях, мама очень внимательно посмотрела на меня и приложила тыльную сторону ладони к моему лбу, а потом «взорвалась»: «Какой дедушка, какой колокольчик?! В ту сторону до ближайшей деревни 80 километров...»*. И только тут читатель понимает, что девочкой, действительно, произошло чудо, благодаря которому она не только не замерзла, но и добралась до дома.

Таким образом, в рождественской истории, приближающейся по своей структуре к каноническому рождественскому рассказу, в центре внимания оказывается не чудесное событие, меняющее жизнь героев, а сами герои с их способностью или неспособностью верить в присутствие высшей справедливости. Девочка верит в то, что с ней произошло чудо, а мама доверяет лишь реальным фактам, выражает сомнение в самой возможности свершения чуда в контексте той реальности, которую видит вокруг себя.

Думается, что не ошибёмся, предположив, что главным рождественским чудом для автора рассказа «Домой» становится воссоединение семьи.

В Рождественских историях Тамиры Шульги выделяются все признаки рождественского рассказа: хронологическая приуроченность к Рождеству; элемент чудесного; наличие рассказчика; присутствие среди героев ребёнка; нравственный урок; счастливый финал. Моралистический вывод рождественских историй амурского автора естественно вытекает из сюжета и может быть легко сформулирован читателем.

Автобиографические рождественские истории Т. Шульги вызовут интерес у читателей благодаря воссозданной в повествовании атмосфере достоверности праздника и чуда, специфической композиции, выраженной в смене эмоциональных пластов.

Простые и незамысловатые истории вместили в себя мечты о доброй и радостной жизни, о сердечном и милосердном отношении друг к другу, о победе добра над злом вопреки всему. Эти истории предназначены и для детей и для взрослых, и для искущённого и для начинающего читателя. Читать их лучше всей семьёй и именно в период зимних праздников, когда нет суеты, когда сердца наши смягчены. Это способствует приобщению к таинствам Рождества как самого светлого, самого счастливого и самого таинственного праздника христианской культуры.

В прозе Тамара Шульга, как и в поэзии, размышляет о проблемах общечеловеческого характера: о любви и ненависти, о жизни и смерти, о вдохновении и муках творчества...

«НО ПОМНИТЬ БУДЕМ О ХОРОШЕМ...»: Тамара Шульга в воспоминаниях и оценках современников

*Но верю: где-то без меня
друзей моих воображенье
родит летящего коня,
на миг прервавшего движенье...
Тамара Шульга*

***

Середина 70-х – время разворота строительства Байкало-Амурской магистрали – в литературной истории Приамурья отмечено появлением многих поэтических имён. Разноголосых, разнохарактерных, взрывных и спокойно-раздумчивых. Конечно, степень мастерства и таланта была разной, но объединяла их всех искренность в отношении к стройке, ко времени и окружающему миру. Многие из тех авторов не скрывали, что именно работа и жизнь в суровых, по-своему красивых местах, личное участие в столь знаменательном строительстве пробудили в душе потребность самовыражения посредством поэтических строк.

Время – справедливый судья и ценитель. Оно всё расставляет по своим местам. Так и в творчестве. После первых проб, первых

всплесков у кого-то угас запал, другой сам почувствовал собственную несостоятельность в поэзии. И тем заметнее крепло, обретало большую глубину и звуковую окраску творчество истинных поэтов, к коим с полным правом относится и самобытный голос Тамары Шульги.

Борис Машук, прозаик, публицист

***

Впервые стихи Тамары Шульги я прочитал в июле 1975 года в только что родившемся поселке Могот, в библиотеке, которая располагалась в половинке вагончика. Там была тоненькая подшивка многотиражной газеты «Байкало-Амурская магистраль». В почти каждом номере газеты публиковались стихи о БАМе и самих бамовцев, и заезжих поэтов. Но они как-то не цепляли. А стихотворение Тамары зацепило сразу.

Мы дождями умыты
и исхлѣстаны ветром,
и не так знамениты,
как иные поэты.
Но в предутренней просини
здесь поэзия с нами.
Днем рубившие просеки,
ночью бредим стихами.

Это короткое стихотворение поразило своей твердой уверенностью: «мы – поэты». И было указано точное место, от которого исходит эта уверенность: «здесь поэзия с нами». И я позавидовал хорошей завистью поэтической удаче этой девушки. У нас в отряде «Волгоградский комсомолец», которому в первые же дни поручили рубить просеки под Моготом, многие «бредили стихами». И мои первые поэтические строки родились как раз на просеке, но так просто и искренне выразить своё право на звание поэта, как это сделала Тамара Шульга, я не смог.

Да, многие в самом начале великой стройки «бредили стихами»: и лесорубы, и водители, и инженеры, и журналисты, и мотористы. Но у большинства как-то быстро эта «болезнь» прошла. Поэзии и самому БАМу остались верны единицы. Тамара Шульга как раз из них.

Владимир Гузий,
строитель БАМа, поэт

***

Посёлок Тындинский принял Тамару спокойно, как и десятки других искателей счастья. Первые два года были вполне спокойными, бровастый генсек не успел благословить комсомолию на съезде, стройку ещё не всколыхнул массовый приток энтузиастов. Любопытно, что именно пионеры БАМа оказались впоследствии его старожилками. Начинала Т. Шульга рядовым инженером в управлении строительства «Бамстройпуть». Перед ней в чертежах разворачивались контуры будущей дороги, воскресающей после бамлаговских, а затем уже военных лет, периода восстановления и накопления сил. Командировка на трассу, неустроенный быт «столицы БАМа», новые знакомства, масса впечатлений заставили её взяться за перо.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

Становление Тамары Шульги как творческой личности в полной мере связано с БАМом. С появлением первых поэтических публикаций на страницах выходящей тогда газеты «Байкало-Амурская магистраль» я верил в то, что её стихи перешагнут границу всенародной стройки. Станут достоянием широкой общественности. Так оно и получилось. Сначала были многочисленные подборки на страницах областных и центральных газет, в толстых журналах и альманахах. А потом появились поэтические сборники, выпущенные Хабаровским книжным издательством и Московским издательством «Современник». Они-то и стали основой для принятия Тамары Шульги в члены Союза писателей СССР.

Чем отличаются стихи Тамары Шульги от других? Прежде всего, искренностью. Их ни с чьими не спутаешь. В поэтическом водовороте я, например, всегда отыщу её строки, даже если на титульном листе не будет указано фамилии. Этим и сильна настоящая поэзия. И ещё. Меня всегда восхищала чёткая законченность стихов, выходящих из-под пера поэтессы. Последняя строчка, как правило, составляет все точки над «и», делает стихотворение, несмотря на его краткость, ещё более цельным и объёмным.

Иван Шестак,
строитель БАМа,
создатель и руководитель литературной студии «Звено»,
Почётный гражданин Тынды

Её первые стихи были опубликованы в 1969 году в газете «Молодёжь Алтая», когда она училась в Барнаульском строительном техникуме. Тындинцы познакомились с ними через газеты «БАМ» и «Авангард». Потом публикации в «Амурской правде», еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Дальний Восток», «Огонёк», «Советская женщина», в альманахах «Поэзия» и «Истоки» издательства «Молодая гвардия». Добротные подборки Т. Шульги появляются в литературно-художественных сборниках «Приамурье моё», в книгах «БАМ – стройка века», «Стыковка»... При этом нужно подчеркнуть, что стихи, помещённые в сборниках, таких как «БАМ – стройка века», отличались полнейшим отсутствием восклицательности, бамовской громкости. В них и самого слова БАМ почти не встречалось. Но при этом почти хрестоматийными для Бамовской поэзии стали её строки:

Мы дождями умыты
и исхлёстаны ветром,
и не так знамениты,
как иные поэты.
Но в предутренней просини
здесь поэзия с нами.
Днем рубившие просеки,
ночью бредим стихами...

Полностью это стихотворение вошло в первую книжку Тамары Шульги, выпущенную Хабаровским книжным издательством в 1977 году. Через два года Тамара представляла нашу область на Всесоюзном совещании молодых писателей, где получила весьма положительную оценку ведущих мастеров поэтического слова. Эта поддержка оказала существенное значение при решении поступать на заочное отделение литературного института имени А. М. Горького. Учёба в семинаре известного поэта А. Дементьева дала свои результаты. В 1984 году в центральном издательстве «Современник» вышла книга её лирических стихов «Майский снег», удостоенная премии Амурского комсомола. Ещё через два года Хабаровское книжное издательство издаёт следующую книгу – «Свет на ладони», которая, кстати, сразу стала библиографической редкостью.

Борис Машук, прозаик, публицист

***

Однако ошибётся читатель, вздумавший с ходу, что, взяв в руки книги Шульги, он заполучит поэтическую хронологию строительства Байкало-Амурской магистрали. Если в первом сборнике только однажды упоминалось это магическое слово – «магистраль» – то во второй и подавно. Её главное правило очень простое: не писать о том, чего не знаешь и чему не был свидетелем. Вот почему мы не найдём у Т. Шульги живописаний стыковок «серебряных» и «золотых» звеньев, картин «покорения» природы, парадных репортажей и портретов бамовских знаменитостей. Что её останавливает?

Мне думается, причина в сути лирического дарования поэтессы. Она упорно избегает ораторства. Ей по нраву интонации интимные. Читая её стихи, невольно приходишь к мысли, что это очень похоже на душевный разговор с самыми близкими людьми, перед которыми совершенно невозможно и глупо красноречиво, которым не нужно долго объяснять, что к чему, а можно сразу о главном, о наблевшем.

Тамару Шульгу более всего занимает строительство на БАМе человеческой личности, неповторимость судьбы каждого человека. Она избегает обобщений. И трудно её упрекнуть, что пока – это строительство собственной судьбы. Не разобравшись в себе, не поймёшь людей.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

А как лиричны сами названия сборников Тамары...

«Летающие кони». Это, скорее, дань алтайскому детству, где ей довелось у своего поселка Топольного проскакать, пролететь десятки километров на любимейших своих конях, скормить им не одну сотню горбушек с солью.

«Майский снег». Для алтайской девчонки довольно обычный в тындинских местах снег в мае показался чем-то необыкновенным. Да он такой и есть – воздушный, быстро уходящий и только оттеняющий красоту распускающихся изумрудных лиственниц и лиловатого багульника.

«Свет на ладони». Свет на ладони могут удерживать только дети и волшебники.

Четвертую свою книгу Тамара Шульга составила из лучших стихотворений своих предыдущих сборников, добавив лирический цикл «Острова» и двенадцать рассказов, и назвала «Осенняя мелодия».

Если в прежних названиях были видны свет и движение, то здесь уже звучит музыка. Тамара не стала включать в эту книгу свои ранние «бамовские стихи»: «Мои друзья – градостроители...», «Письмо сестре», «Обложили метели этот город таежный...», видимо, посчитав, что время БАМа безвозвратно ушло. Хотя, уверен, они останутся в летописи БАМа.

Владимир Гузий,
строитель БАМа, поэт

***

Первая книжка стихов... Какова бы она не была по объёму, по оформлению – это всегда самая большая радость для автора. Именно по ней, как правило, читатель почти безошибочно угадывает – быть или не быть этому стихотворцу поэтом.

Название сборника Тамары Шульги «Летающие кони» очень точно определяет его дух и содержание. Через всю книжку «...мчатся кони легко и игриво, так что дымом клубится дорожная пыль».

Летающий конь – символ стремительного движения и поиска лирической героини сборника. Её настойчивое желание найти себя, своё место в жизни вызывает понимание, постоянно преследующая её тревога – сочувствие, желание убежать порой от самой себя – улыбку. И всё-таки художественного образа пока не получилось – кони эти так и повисли в воображении автора, не коснувшись копытами земли.

А кони летят в моём сне торопливо,
Без ржанья и стука подков.

Иными словами, поиск так и остался поиском. А, может, это совсем неплохо, ведь вся человеческая жизнь – поиск? <...>

А в том, что автор – способный человек и будет писать зрелые стихи, убеждают лучшие стихотворения этого сборника, такие, как «Уже давно не вижу детских снов...», «В тайгу, на север, только дальше...», «Ненастье», «Первая пороша» и другие. Но верится, что выход сборника не вскружит Т. Шульге голову, а доброжелательная критика не обескуражит. Ведь, говоря её же словами, у неё «всё впереди, всё ещё будет».

Олег Маслов, поэт, прозаик

***

Творческому почерку Тамары Шульги свойственны короткие, энергичные строчки, небольшие – восьми- и двенадцатистрочные – миниатюры, так похожие на слепки состояния души или на моментальные фотографии. Тамара Шульга не страдает комплексом надмирности, не склонна поучать. Скорее, наоборот – она сама постоянно учится всему в этой жизни, ведь она наделена прекрасным свойством – способностью удивляться обыденному и примелькавшемуся, видеть свет поэзии там, где многие усмотрели бы только тьму.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

Однажды в разговоре о стихах Тамары мне довелось услышать примерно такое: её поэзия, как чёрная дыра в космосе: втягивает в себя всю земную горечь. Но кто был там, за той чёрной дырой, из которой втянутое выплёскивается в другое измерение космоса? В то, что за дырой? Возможно, этот читатель не смог увидеть и прочувствовать в стихах другое, как раз то, во что преобразуется эта горькая материя, втянутая в космическую пустоту. Из непонятого, близкого только Тамаре материала рождается поэтический язык души многих других людей. Ещё одна читательница поделилась со мной:

– Читаю и понимаю, что это она о себе писала. А всё кажется, что это я давно хотела сказать, да не находила слова подходящего:

А я молчала – как кричала,
твоя ль вина, что ты не понял...
Не надо начинать сначала.
Прошло, промчалось,
не догоним.
Смотрю сквозь иней на ресницах,
хожу, спешу, почти бегу,
а рядом тень летящей птица
остановилась на снегу...

Даже в стихах о майском снеге, Тамара не пытается приукрасить свои чувства или затянуть их вуалью загадочности. Обычное, земное смятение. Всё, что было в её жизни, обдало холодом в самый период рассвета.

Н. Алексеева, журналист

***

Почти все стихи Тамары мне довелось в своё время читать в рукописях, когда на занятиях в литстудии «Звено» закопёрщик всех дел и добрый наставник молодых и немолодых начинающих поэтов Олег Фёдорович Головкин, бывший заместитель начальника дирекции БАМа, тщательно препарировал строчки собратьев, вылавливая в них редкие жемчужные зёрна. У Шульги они были видны даже при свете свечей, которые мы возжигали не ради романтического интима, а потому, что в студёные зимние дни частенько отключали электроэнергию в жилой части Тынды, чтобы сохранить свет и тепло на пусковых объектах, строительство которых велось круглосуточно.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

В поэтическом ручье вместе с песком попадались и золотые россыпи поэзии, которым в редакции отводилась особая папка. Это были стихи инженера управления строительства «Бамстройпуть» Тамары Шульги и инженера мехколонны № 47 Надежды Пузыревской, прибывших на стройку с первыми отрядами строителей. Тамара – с Алтая, Надежда – из Новосибирска.

Их стихи резко отличались от текстов других авторов, претендуя на публикацию не только в газете «Байкало-Амурская магистраль», но и в областной печати. Тамара и Надежда стали своего рода и первыми учителями начинающих авторов. Вместе мы и готовили стихи молодых на очередное заседание литобъединения. Помогали словом, советом, делом. Заставляли переписывать стихотворения до десятка раз, пока не получалось то, что называлось поэзией. Планку поднимали не на всю высоту, понимая, что далеко не всем она может покориться. И в то же время они и сами учились у начинающих, так как не считали себя мастерами поэтического цеха. Больше всех требований предъявлял я, прежде чем стихотворение появится на страницах газеты. Это и определяло успех. Фамилии студийцев активно стали появляться в печати, их стихи звучали на радио, фестивалях авторской песни, клубных вечерах. Начинающие со временем сами превратились в учителей, рос и авторитет «Звена» как поставщика бамовской поэзии.

Иван Шестак,
строитель БАМа,
создатель и руководитель литературной студии «Звено»,
Почётный гражданин Тынды

***

Находки Тамары на вес золота. Давайте вспомним лишь некоторые. «Я утром выбегаю на крыльцо с тем детским чувством солнца и удачи...». Было это в пору, когда «мчались кони над обрывом». Когда «готов телефон был к разговору, да никто не позвонил», когда «от тумана на душе светлым светло». Города становятся для неё «состоянием души», особенно Тында с её «майским снегом», «друзьями-градостроителями», тихими домами, куда она входила на закате дня в «штормовке запылённой». Любовь-утрата, любовь-страдание, любовь-верность...

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

Творчество Тамары Шульги быстро нашло своих почитателей. И это закономерно. Поэтическое восприятие мира, поиск романтики в повседневных делах – всё это близко и понятно молодёжи, строящей БАМ. К тому же, в суровом краю, где жить и работать порой нелегко, задушевная лирика, теплота, искренность стихов молодой поэтессы не может не очаровывать. В сою очередь, творческие удачи Тамары Шульги объясняются тем, что она любит БАМ, людей, его строящих, понимает их и в строчках своих стихов выражает их мысли, их чувства, их настроение.

А. Козенко, журналист

***

Жить в мире, выдуманном, опозитизированном, вытаскивать из его суеты волшебные слова – трудно. Мир Тамары реален. Самолёты над Алтаем, первые палатки и новостройки Тынды, музыка Баха и цветные картинки на асфальте, брусника-«грустинка» и утро с взрослеющим сыном. Всё просто до обыденного; всё волшебно, до зависти. Посметь жить в реальном мире так, чтобы делать его волшебным для себя и окружающих. Большая смелость и большое счастье. <...> Не каждый, кто становится на тропинку, добирается до широкой дороги. Как ты сама пишешь: «Пойти туда – огромный риск, дойти – отчаянное счастье».

Н. Алексеева, журналист

***

С годами в её стихи всё больше входят простые речения, которые делаются поэтическими лишь в контексте конкретного стихотворения. «Извлечённые» оттуда, они теряют цвет и жизнь, подобно тому, как радужный хариус, выхваченный из студёной стремнины, на глазах угасает... На палитре Тамары Шульги в основном акварельные краски, но и они способны создавать мощные цветовые аккорды.

А что любовь?
Всего лишь дождь.
Короткий дождь в начале лета,
которого всю зиму ждёшь
и сам не ведаешь про это.
Бывает гром и молний блеск,
и ветры стонут и гудят,
и неба рухнувшего треск...
А после – тихий шум дождя.

И пятнадцать лет назад было видно, что стихи Тамары Шульги – настоящая поэзия, только это золото не коренное, подобное жале в скале, а крупинки самородного россыпного.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

Стихи Тамары Шульги очень добры. Помнится, двадцать лет назад сразу после «золотой» стыковки в бамовском поселке Икабья за праздничным столом собрались члены бригады Владимира Степанищева. И после многих песен и стихов о БАМе опытный монтажник Юрий Владимирович Алексеевский вдруг сказал: «А я Шульгу люблю!» и прочитал такие стихи:

На окраине возле бора
Дом стоит за большим забором,
Громко вывеска сверху лает:
Вокруг дома на улице пусто,

А собаке безумно грустно.
Жарко ей целый день на солнце,
И воды в чашке – лишь на донце...

Если будет вам делать нечего,
Вы зашли бы к ней в гости вечером.
Право: зря все же пса обидели.
Это вывеска только лает,
А собака совсем не злая.

И все заплодировали. Монтажники Степанищева, вышедшие в первый десант на Кувыкту в декабре 1974-го года и дошедшие через десять лет до Куанды, слышавшие сотни стихов о БАМЕ, да и сами порой писавшие неплохие песни, истосковались по тёплым добрым словам.

И эти аплодисменты были знаком признания со стороны тех, для кого Тамара и писала с первых дней на БАМЕ.

А признание своего таланта от своих читателей, собратьев по перу и строгих мэтров Тамара получила давно. Не каждому поэту удалось в своей жизни получить путевку на Всесоюзное совещание молодых писателей, куда приглашались всего 300 участников из всех республик Советского Союза; окончить Литературный институт им. А. М. Горького, выпустить несколько книг, стать членом Союза писателей СССР. Тамаре Шульге повезло через всё это пройти.

Владимир Гузий,
строитель БАМа, поэт

***

Сегодня пишет мало. Потому что молодость ушла, страна когда-то нас всех бросила, а жизнь так ломала, что того внутреннего чистого восторга, от которого стихи рождаются, мало осталось. Больше – душевной боли.

Перед днём рождения я попросила её написать стихотворение. Не на заказ, а сказать о том, что сейчас чувствует её душа. Вот что держу в руках:

Как быстротечно наше время,
Все дачные сезоны в прошлом.
Теперь года – сплошное бремя,
Но помнить будем о хорошем:
Как безутешно плакал ливень,
Трещала маленькая печь...
И пёс большой по кличке Стивен

Не мог решить, где лучше лечь:
Диван казался очень узким,
У печки жарко – всё же лето.
И пёс вздыхал, да так по-русски...
И от хозяйки ждал совета.
А мы смеялись и шутили –
Над чем – едва ли знали сами.
Мы просто весело «кутили»,
Пока собака была с нами...

Время быстротечно, безжалостно и неумолимо. Мы дружим без малого 20 лет. Много лет по выходным на дачу ездили вместе. Не только на картофельном поле убиваться (хотя и это было), но побыть в лесу, увидеть белок, бурундуков, нахального зайца, разных птиц, почувствовать, как уходит из тебя гнев и раздражение, понять, что мир прекрасен независимо от правительств и олигархов. Конечно, с нами всегда ездила собака: американский стаффордширский терьер по кличке Стивен – «сундук», как я его называла: короткие лапы, мощные шея и грудь, огромная голова <...>

Постепенно болезнь Тамары Григорьевны брала своё: ей стало трудно ходить, на дачу вместе стали ездить реже. А в прошлом году из-за своей болячки она упала и сломала шейку бедра. Вот так оказалась в инвалидной коляске: бедро срослось, но... А 11 мая этого года умер пёс Стивен. Огромный и счастливый (как мы теперь понимаем) кусок жизни закончился. Начался другой. Каким он будет?..

Но поэт не может перестать быть поэтом. Недавно мой внук Егор на городском конкурсе чтецов, посвященном 40-летию с начала строительства БАМа, прочитал стихотворение Тамары Григорьевны и гордо сказал: «Посвящается мне!». На самом деле оно было написано и посвящено ему...

Надежда Требушевская,
главный редактор газеты «БАМ», друг Тамары Шульги

***

В письмах последних лет (с позволения Т. Шульги я процитирую кое-что из них) настоящий калейдоскоп переживаний: «Как слышишь свои стихи из чужих уст, недостатки видней...», «Иногда устаю так, что начинаю подумывать, а не избавиться ли от стихов? В конце концов, большинство женщин живёт и здравствует без этих мук. Даже уже пыталась, но тогда я перестаю быть собой и, вообще,

быть человеком...», «Попробовала не писать – не смогла, так как для меня – это форма существования...», «Если у человека жизнь безупречна – это уже не жизнь, а таблица умножения...», «Я всё делаю попытки вырваться из своих восьми строк...», «Жить стало интересней, только уж очень сутки коротки...». <...>.

«Стихов не пишу. Читаю детективы...» – это из письма Тамары уже после её приёма в Союз писателей. Конечно, для отработавшего день на производстве человека и такого чтения вполне достаточно для внутреннего, так сказать, удовлетворения. А у меня сжимается сердце: ведь это говорит человек, отмеченный знаком поэтического дара, способный нести в себе людскую боль (а что такое поэзия, как не выражение боли?). Ещё ей хватает сил на грустную улыбку: «Ветер срывался со скал, сединой меня метил, морозом ласкал...».

Да, нелёгкая это доля – «жить в феврале», на стылой земле». Но в том-то и дело, что земля эта – родная, неповторимая, незаменимая.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

***

Творчество Тамары Шульги – явление не региональное. И в поэзии, и в прозе она размышляет о проблемах общечеловеческого характера: о любви и ненависти, о жизни и смерти, о вдохновении и муках творчества... Долгие годы ведя творческий диалог со знаменитыми предшественниками, – Ахматовой и Блоком, Шульга всегда в поиске «своих» образов и способов их воплощения. Тех самых, которые отражают её неповторимый взгляд на мир.

Ирина Назарова,
кандидат филологических наук, доцент БГПУ,
литературный критик

**«ВОЙДИ СО МНОЙ В МОЮ СТРАНУ...»:
методические рекомендации
к изучению жизни и творчества Тамары Шульги
на уроках литературного краеведения**

*Войди со мной в мою страну
и в ней подольше будь...*

.....
*Я всё в тебе переверну,
я обновлю тебя!*

Тамара Шульга

«Свет на ладони»: беседа о поэзии Тамары Шульги

Обоснование темы урока.

Обращение к литературному краеведческому материалу в старших классах на уроках изучения лирики оказывает существенное влияние на расширения региональных знаний учащихся, понимания авторской позиции, роли писателя в литературном процессе, способствует более глубокому постижению художественного творчества автора в контексте определенной территории, эпохи и культуры родного края, оказывает влияние на развитие интереса школьников к культуре родного края.

Основная задача подобного урока заключается в сообщении некоторых сведений о местном писателе или поэте, и на этой основе вызвать у школьников интерес к занятиям краеведением, увлечь их этим интересным и нужным делом, пробудить желание больше узнать о литературе родного региона.

Слово учителя.

Сегодня на уроке мы познакомимся с жизнью и творчеством Тамары Григорьевны Шульги – известного бамовского поэта. Тамара Шульга – из той плеяды поэтов, которые составили славу и гордость «бамовской поэзии». Всесоюзную известность принесли ей лирические стихи.

О жизни Тамары Шульги расскажут заранее подготовленные ученики, используя презентацию «Основные вехи жизни и творчества Тамары Шульги».

Тамара Шульга родилась 19 мая 1949 года в селе Топольное Солонешенского района Алтайского края. Писать стихи начала ещё

в школьные годы, прошедшие на станции Заринская (ныне город Заринск). В 1974 году Тамара Шульга приехала в посёлок Тындинский. Трудовую деятельность на БАМе начала инженером производственного персонала проектировщиков и сметчиков в управлении строительством «БАМстройпуть». В Тынде Тамара Шульга активно стала заниматься поэзией. На суровой таёжной земле случилось то, что рано или поздно должно было случиться: рождение поэта, имя которого в своё время было хорошо известно советскому читателю.

В годы строительства магистрали поэзия Тамары Шульги нередко звучала на Всесоюзной радиостанции «Маяк» в передаче «Песни на просеках», публиковалась на страницах журналов «Огонёк», «Юность», «Современник», «Советская женщина», «Дальний Восток»; в коллективных сборниках и альманахах («Приамурье», «Золотое звено», «Цветы багульника», «Стыковка», «Вдохновение» и др.); в газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «БАМ», «КВИН» и др.

Тамара Шульга – автор четырёх сборников стихотворений: «Летающие кони» (1977), «Майский снег» (1984), «Свет на ладони» (1986), «Осенняя мелодия» (2004).

Комментированное чтение стихотворений из сборника «Свет на ладони».

Творческой манере Тамары Шульги свойственны короткие строчки, небольшие миниатюры, так похожие на слепки состояния души или моментальные фотографии. Таково, например, стихотворение «Я, пожалуй, не устану...».

Читает учитель или заранее подготовленный ученик.

Я, пожалуй, не устану
ни любить, ни удивляться
летнему дождю, туману,
снам, которые мне снятся.
Выпрыгну сейчас в окошко
и, от страха чуть дыша,
облаков возьму немножко...
Ночь, как в детстве, хороша.

О душевном состоянии почти ничего не сказано, только от «страха чуть дыша». Остальное чудесным образом понятно без объяснений. Звонкий слог, лёгкий ритм, простая лексика вводят в мир лирической героини, восторженно принимающей окружающий мир.

Читаем и комментируем стихотворения из сборника «Свет на ладони», подготовленные дома.

Отмечаем точность и тонкость передачи переживаний лирической героини, глубину и содержательность стихотворений при небольшом их объёме, благородную простоту слога, умение обрисовать характер одним жестом, интонацией, репликой.

Я сегодня буду ветром
в серебре ковыльном жить.
Буду мерить километры,
в рощах листья ворошить.
Буду форточками хлопать,
в парусах и мачтах выть.
Буду шёпот, буду ропот
в травах скошенных будить.

Анафора, повтор глагола «буду», а также использование его в середине первой и седьмой строк, свидетельствуют о твёрдом намерении героини не отступать от своих принципов, вопреки всему следовать по выбранному пути.

В стихах Шульги есть лирическая героиня, её психологический портрет, история отношений, сюжеты чувств. И неизменно – неразделенность чувства, разлука. В лирике Тамары Шульги целый мир женской души, страстной, нежной и гордой.

Учитель или заранее подготовленный ученик читают стихотворение «А что любовь?».

А что любовь?
Всего лишь дождь.
Короткий дождь в начале лета,
которого всю зиму ждёшь
и сам не ведаешь про это.
Бывает гром и молний блеск,
и ветры стонут и гудят,
и неба рухнувшего треск...
А после – тихий шум дождя.

Тамара Шульга воспринимает мир сквозь призму любви, и любовь в её поэзии предстает во множестве оттенков чувств и настроений.

ний. Содержание жизни героини – любовь, которая у Шульги подобна внезапно наступающей человека стихии, которой невозможно противостоять. Дождь и ветер становятся символами страстной, но кратковременной любви.

Мир природы находит отражение в произведениях большинства поэтов. Тамара Шульга в этом смысле не является исключением, в своих поэтических творениях она заново открывает читателям родную амурскую природу, заставляет увидеть и глубоко почувствовать её.

Давайте найдём стихотворения, описывающие времена года. Как поэт их воспринимает? Как вы думаете, какое у него любимое время года? Подтвердите примерами стихотворений.

Вероятно, не ошибёмся, если предположим, осень является излюбленным временем года Тамары Шульги.

Сентябрьская осень дарит яркие краски, одновременно вызывая грустные размышления о жизни, быстротечности и хрупкости всего сущего на земле. Эти стихотворения элегичны и меланхоличны, но наполнены необыкновенной светлотой и прозрачностью, лирическому герою нечего скрывать от себя и от людей.

На закате осенней порой
обронила птица перо.
И, качнув облака и ветви,
подхватил его сизый ветер
и носил над сушей и морем,
и не думал, что мне на горе
на закате осенней порой
обронила птица перо.

Осенью лирическая героиня находится в гармонии с собой, с окружающими и природой.

Анализируя пейзажные стихотворения Тамары Шульги можно предложить школьникам следующие вопросы:

– *Какие картины природы воспроизводит стихотворение? Опишите картины природы, воссозданные в стихотворении.*

– *Какие чувства испытывает поэт, созерцая эти картины?*

– *Каким образом смог автор в стихотворении о природе передать свои чувства, настроения?*

– *С помощью каких изобразительно-выразительных средств создаётся поэтическая картина? Какие слова и выражения наиболее ярко и полно рисуют образы природы?*

Природные явления дождь и ветер в лирике Тамиры Шульги являются знаками внутреннего состояния лирической героини, отражающими её чувства, моделирующими отношение к миру, к происходящему вокруг.

Осенний дождь ловлю губами,
а он в ответ звенит стеклянно.
Уже всю сентябрь на БАМе –
и дождь, и ветер, и туманы.
Уже не пахнет ночь грибами,
к утру белеют топоры...
И на «большом» и «малом» БАМе
горят осенние костры.

Образы дождя и ветра отражают сложную гамму чувств лирической героини Тамиры Шульги. В дожде лирическая героиня черпает жизненные силы, благодаря ветру она очищается и обновляется, делается счастливой. Воскрешающая сила природы, по мнению поэта, способна творить чудеса. Она исцеляет душевные раны, наполняет жизненной энергией, дарит надежду.

Попытайтесь сказать о поэзии Тамиры Шульги несколькими словами.

Скорее всего, это будут «элегическая грусть», «светлая печаль», «легкость», «прозрачность», «дождь», «ветер».

Давайте попробуем составить синквейн о Тамире Шульге и её поэзии.

Синквейн – это стихотворение из пяти строк. В первой строке, состоящей из одного слова существительного, заключена тема; вторая – описывает эту тему двумя прилагательными или причастиями; третья – представляет действие в границах темы тремя глаголами; четвёртая – фраза из четырёх слов, выражающая отношение автора к данной теме; пятая – синоним к первому слову, повторяющий суть темы.

***

Тамира Шульга.
Прозрачная, тонкая.
Помнит, любит, верит.
Согревает верой и надеждой.
Лирик.

***

Тамара Шульга
Трепетная, лиричная.
Наблюдает, фиксирует, выражает.
Поэтический разговор с современником.
Миниатюра.

***

Тамара Шульга.
Музыкальная, рефлексирующая.
Хранит, дарит, любит.
Гармонично принимает мир.
Элегия.

***

Тамара Шульга.
Грустная, прозрачная.
Ностальгирует, печалится, верит.
Вспоминает и сохраняет память.
Вдумчивость.

***

Тамара Шульга.
Яркая, выразительная.
Доверяет, размышляет, дышит.
Минорная тональность лирической ноты.
Откровение.

***

Тамара Шульга.
Открытая, доверчивая.
Дышит, слышит, пишет.
Доверительный и душевный разговор.
Любовь.

Назовите отличительные черты поэзии Тамары Григорьевны Шульги.

Творческому почерку поэта присущи спокойная интонация, вдумчивость, филигранная форма, запоминающиеся поэтические образы, её миниатюрные стихотворения похожи на слепки состояния души

или на моментальные фотографии. От каждого её стихотворения такое впечатление, будто она написала его только для себя и не собиралась никому показывать. А за душу берёт всех.

Итоги урока.

Сегодняшний урок был посвящён творчеству Тамиры Шульги, уникальный талант которой передаёт испытанные и пережитые чувства через свои стихи, не оставляет никого равнодушными. Знакомство с её поэтическим творчеством, а проба собственных сил в написании синквейна, немного приблизила нас к тайнам поэзии. Поэзия Тамиры Шульги – это откровение о самой себе и мире, в котором она живёт, чувствует, любит, верит и надеется.

«Радуга на Рождество». Обсуждение рождественской истории «Шарфик для Иисуса»

В творчестве Тамиры Шульги есть несколько произведений рождественской прозы, которые могут стать предметом исследования на уроках литературного краеведения.

Изучение рассказа «Шарфик для Иисуса» целесообразно в 5–6 классах, когда учащиеся знакомятся с рождественским рассказом – литературным жанром, который относится к категории календарной литературы и характеризуется определённой спецификой в сравнении с традиционным жанром рассказа. В школьном курсе литературы в качестве синонима рождественского рассказа выступает святочный рассказ.

Рождественский рассказ – это канонический жанр литературы, имеющий свои формальные и содержательные признаки. Русский писатель Николай Лесков писал: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-то мораль, хотя бы вроде опровержения вредного предрассудка, и, наконец, чтобы он оканчивался непременно весело». Однако, по замечаниям опять же Н. Лескова, «святочный рассказ, находясь во всех его рамках, всё-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и своё время, и нравы». И это действительно так. Обратимся в качестве

примера к рождественской истории Тамары Шульги «Шарфик для Иисуса», напоминающему современному читателю о вечных нравственных ценностях.

Новаторство Тамары Шульги в разработке жанра рождественского рассказа можно продемонстрировать школьникам, обратив их внимание на то, как отражаются особенности эпохи в этом произведении, на оригинальную композицию, своеобразие сюжета и формы повествования.

Анализ рассказа «Шарфик для Иисуса» можно построить на поэтапном прочитывании его частей, делая акцент на автобиографической основе содержания. Вопросы анализа направлены на знание содержания текста, а также на умение учащихся выделять выразительные средства.

Вступительное слово учителя.

Новый год, Рождество – самые любимые праздники, ассоциирующиеся с ожиданием чуда, подарков, сверкающей ёлки и радостного оживления. Почему в Рождество все ждут чудо?

Рождение Христа – великое чудо, перевернувшее всю жизнь людей и давшее им надежду на спасение души. Вспомните, чем ознаменовалось появление в мире Спасителя? В момент рождения Христа воссияла на небе Вифлеемская звезда, и пришли на её свет волхвы со своими дарами младенцу Иисусу. Поэтому исстари принято в Рождество ходить со звездой и дарить подарки, а красавицу ёлку венчать звездой и на самое видное место вешать ангела, который возвестил миру о чуде. Радость, счастье, весёлый смех – вот атрибуты этого праздника.

Беседа о жанровых особенностях рассказа «Шарфик для Иисуса».

Примерные вопросы.

– Как вы относитесь к праздникам и к Рождеству? Какие чувства испытываете при его приближении?

– Ждёте ли вы подарки на Рождество, готовите ли их сами?

– Почему рассказ называется «Шарфик для Иисуса»? Какие ассоциации вызывает у вас название рассказа? Подтвердите ваши мысли текстом.

– Как вы думаете, для чего Тамара Шульга снабдила рассказ подзаголовком – «рождественская история»?

– Что даёт основание для отнесения произведения Шульги к жанру рождественского рассказа?

– В какое время происходит действие рассказа?

– Какие приметы указывают на это?

Одно из необходимых условий рождественского рассказа – это смягчать сердца и нравы. Такой рассказ должен заставить поверить читателя не только в Бога, но и в самого человека. Святочный рассказ напоминает вечер в добром хорошем доме, где собираются семья и гости, рассказывая и слушая необыкновенные истории.

В рождественском рассказе действие разворачивается в течение одной ночи – рождественской. В течение этой ночи к героям приходили невероятные приключения, но, главное, в эту ночь изменялись сами герои. Рождественский рассказ изображает чудесное, но «чудо», как правило, в конце получает реалистическое толкование – объяснение, или вера во всякого рода рождественские чудеса преподносится как факт народного мировосприятия. «Чудом» часто оказываются простые люди, спешащие на помощь друг другу.

Далее в центре размышлений учителя и школьников – образ пятилетней девочки как центрального персонажа.

Примерные вопросы.

- Почему девочка рада встрече с дедушкой?
- Как в рассказе передана тёплая атмосфера дома и семьи?
- Как относятся к девочке взрослые, окружающие её: родители, няня, бабушка и дедушка?
- Как относится девочка к окружающим её взрослым?
- Можно ли назвать героиню равнодушной? Аргументируйте свой ответ.
- Какие качества героини импонируют читателю?
- Меняется ли героиня на протяжении рассказа?
- Каково восприятие пятилетней героиней рассказа бабушки о рождении Иисуса? Подтвердите текстом.
- Охарактеризуйте эмоциональную атмосферу произведения? Как передаётся гармония в отношениях внучки и её бабушки и дедушки? Что их сближает?
- Как передано состояние дедушки и бабушки, когда внучка решила пойти в пещеру, чтобы согреть своим шарфиком новорождённого Иисуса?
- Случайно ли, что события рассказа происходят накануне Рождества?
- В традициях ли рождественского рассказа написан рассказ Тамиры Шулъга? Или можно говорить об отступлении от них?
- Прочитайте, что снится девочке. Почему ей приснился именно этот сон?

– В чём особенность финала рассказа «Шарфик для Иисуса»? Не мешает ли отсутствие дидактичности, свойственной святочным историям раскрытию авторской позиции? В чём эта позиция заключается?

– Сформулируйте идею произведения.

В рождественском рассказе проповедуется ценности человеческой жизни, тепла, добра и радости в отношениях между людьми. Нравственный смысл становится доминантой содержания в рождественском рассказе.

Рождественским чудом в осмыслении автора становится чудо человеческого общения, родство душ. В ходе развития рождественской истории Тамары Шульги образ ребёнка соотносится с образом взрослого человека, являясь своеобразным мерилем его нравственной состоятельности. Дедушка и бабушка, дарящие внучке заботу, внимание, тепло своей души, оказались не готовы к тому, что их пятилетняя внучка готова спасти жизнь незнакомого новорождённого ребёнка, отдав ему самое дорогое из своей системы ценностей – радужный шарфик – свой рождественский подарок.

Благополучный финал рождественской истории пробуждает веру читателей в то, что красота, добро, забота о ближнем должны быть смыслом жизни человека. Думается, главная цель рождественской прозы заключается в задушевном разговоре с читателем, которые будут задумываться над людской несправедливостью, жалеть несчастных, восхищаться подвигами самоотвержения, то есть развивать чувства гуманные.

Наряду с комментированным чтением рассказа, определением проблематики и обозначением основных жанровых признаков произведения, на уроке можно предложить детям следующие задания:

1. Составьте план рассказа или озаглавьте его части.
2. По воспоминаниям юной героини произведения восстановите историю её прошлой жизни и подумайте, какой будет девочка в будущем.
3. Найдите способы выражения авторской позиции в рассказе.

В завершении урока можно задать проблемный вопрос: «В чём подлинное чудо этого рассказа?».

Тамара Шульга в своём рассказе «Шарфик для Иисуса» демонстрирует самое удивительное чудо – чудо любви. Чудом обычному человеку кажется то, что недоступно его пониманию, что выходит за рамки его представления о мироустройстве. Чудо всех чудес – Бог явился во плоти. Все остальные чудеса тесно связаны с великим делом любви Божией и обусловлены им.

ЛИТЕРАТУРА

Произведения Т. Г. Шульги

Отдельные издания

Летающие кони : стихи. – Хабаровск : Кн. изд., 1977. – 24 с. – (Радуга-77).

Майский снег : стихи. – Москва : Современник, 1984. – 48 с. – (Первая книга в столице).

Осенняя мелодия : стихи и рассказы. – Новосибирск : Наука, 2004. – 136 с.

Свет на ладони : стихи. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1986. – 64 с.

Из публикаций в периодических издания и сборниках

А жизнь прекрасна... : рассказ // КВИН. – 1996. – 27 сент.

А лето кончилось внезапно ; Благодарю тебя за лето... : стихи // БАМ. – 2004. – 1 сент. – С. 1.

А мне от весны заслониться... ; О себе : стихи // Амур. комсомолец. – 1976. – 28 марта. – С. 4.

Августовская ночь : стихи // Амур. звезда. – 1995. – 16 сент. – С. 5.

Ах, эти детские вопросы... : стихи // Огонь на вечной мерзлоте. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1982. – С. 305.

Бабье лето; Что случилось и чего же ради... ; Уже забыто всё, залечено... ; Пожар заката над рекою... ; Опять в душе затишье грозное... : стихи // БАМ. – 1974. – 6 нояб. – С. 4.

Без автографа... : статья : [о жизни и творчестве В. С. Гузия и его последней кн. «Пушкинский праздник»] // БАМ. – 2009. – 9 дек. – С. 1.

Благодарю : стихи // Дал. Восток. – 1985. – № 3. – С. 85–86. – Содерж.: Благодарю тебя за лето... ; Где море и солнце... ; Когда звезда упала в реку... ; Прощание ; Ты прав – и мы за всё заплатим... ; Ледоход на реке, ледоход... ; Пусть будет лето...

Благословенны сентябри : стихи // БАМ. – 2010. – 22 сент. – С. 6. – Содерж.: Благословенны сентябри ; Предчувствие дождя ; Осень ; Осеннее ; Осеннее утро ; Осенняя песня ; Бабье лето ; Осенняя мелодия ; Сентябрьский дым ; Здравствуй! ; Чужая осень

В городе моём снег... : стихи // Авангард. – 1998. – 22 сент. – С. 2.
Ваза ; Году уходящему ; Благословляю день и час... ; О, господи!
За что мне этот сон?! : стихи // БАМ. – 1985. – 30 дек. – С. 3.

Весне ещё быть и идти по Земле... ; Я встречала рассвет... ; Дым танцует над серой крышей... ; Старинный подсвечник томится в пыли... ; А мне от весны заслониться... : стихи // БАМ. – 1975. – 7 марта – С. 4.

Ветер : стихи // Авангард. – 1979. – 13 нояб. – С. 4.

Всё ещё будет ; Мы дождями умыты... : стихи // Амур. правда. – 1974. – 7 нояб. – С. 4.

Вся твердь земная – ручейки... ; Дождик : стихи // Авангард. – 1980. – 1 мая. – С. 4.

Говорят строители ; Мои друзья-градостроители... ; Обложили метели... ; Первая пороша ; Благословляю день и час... ; Молитва ; Благодарю ; Нет, пожалуй, верить в чудо... ; Войду в штормовке запылённой... ; Не бойтесь начинать сначала... ; О Севере ; Мне говорят – неисправима... ; О Тынде : стихи // Золотое звено : стихи поэтов БАМа / сост. В. Гузий. – Тында : Тынд. тип., 1999. – С. 168–172.

Говорят строители ; Мои друзья-градостроители... ; Обложили метели... ; О Тынде ; Письмо сестре ; Войду в штормовке запылённой... ; Мне говорят – неисправима... ; О Севере : стихи // Цветы багульника : сб. стихов о БАМе / сост. В. Гузий. – Новосибирск : Наука, 2004. – С. 314–317.

Города : стихи // БАМ. – 1979. – 1 янв. – С. 4.

Города любви и разлук... : стихи // Приамурье-2008 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2008. – № 8 (№ 26). – С. 159–165. – Содерж.: А я молчала, как кричала... ; Август проходит походкой неслышной... ; С белёсых северных небес... ; Города ; Ненастье ; Осенняя песня ; Снегопад ; Февраль ; Ловлю в ладони свет, упавший с высоты... ; Себе ; Оптимистическое ; На закате осенней порой... ; Вспрашивают кони... ; Когда звезда упала в реку... ; Далёкое детство... ; Я не знаю – не было, было, не знаю... ; Благословляю день и час...

Давай друг друга отпустим... ; Как птица на взлете – навьлет... ; Живу нелепо, призрачно живу... ; Утро ; Бамовские соловьи : стихи // Авангард. – 1979. – 12 мая. – С. 3.

Далёкое детство... ; Ботинки : стихи // БАМ. – 1982. – 1 янв. – С. 4.

Детские вопросы ; Утро : стихи // БАМ. – 1980. – 7 марта. – С. 4.

Детство : стихи // Авангард. – 1981. – 22 янв. – С. 4.

Димка ; Что прошло и что случится... // Амур. правда. – 1978. – 16 дек. – С. 4.

Друзьям ; Ты слышишь, падает роса... ; Я, пожалуй, не устану... : стихи // Авангард. – 1978. – 15 июня. – С. 3.

Друзьям ; Ты слышишь, падает роса... ; Я, пожалуй, не устану... : стихи // Авангард. – 1982. – 6 нояб. – С. 4.

Здравствуй ; Астры ; Раз в год ; Мир воспоминаям сужен... : стихи // Авангард. – 1985. – 14 сент. – С. 3.

И вот мы снова у порога... ; Вот и август – месяц мой бедовый... ; Так было в душе моей темно... ; Сам создал, сам разрушил... ; Мир воспоминаям сужен... ; Вдоль стены прокрался ветер... ; Колыбельная // БАМ. – 1980. – 28 нояб. – С. 4.

И вот мы снова у порога... ; Города мои, города... ; К стеклу горячим лбом прижаться... ; Давай друг друга отпустим... ; И ничего не случилось... : стихи // БАМ. – 1981. – 8 мая. – С. 4.

И впрямь нас, видно, укачало... ; Как легко осыпались оковы... ; О сыне : стихи // Авангард. – 1980. – 26 янв. – С. 3.

Из интимной лирики : стихи // Амур. правда. – 1985. – 10 марта. – С. 4.

Из любви к искусству : рассказ // БАМ. – 2005. – 9 февр. – С. 4.

Измученные боги : стихи // Авангард. – 1975. – 1 янв. – С. 4.

К стеклу... ; Я – тобой осажденный... ; Ночь : стихи // БАМ. – 1983. – 13 мая. – С. 3.

Казалось, всё давно прошло... ; Давайте будем добрее... ; Возвращаюсь? Улетаю? Едва ли знаю я сама... : стихи // Авангард. – 1982. – 6 марта. – С. 4.

Как быстротечно наше время : стихи // БАМ. – 2014. – 21 мая. – С. 1.

Как быстротечно наше время [Электронный ресурс] : стихи. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2014/6/10/dnem-rubivshie-proseki-nochyu-bredim-stihami-tamare-shulge-65/>

Какой удивительно вечер хороший... ; Я не люблю охотничий сезон... // Амур. правда. – 1975. – 31 окт. – С. 4.

Качели ; Есть у речки берега... : стихи // БАМ. – 1981. – 21 авг. – С. 4.

Когда огонь в печи горит... : стихи // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2012. – № 10 (№ 28). – С. 8–13. – Содерж.: Пёс ; Вечность ; Ангел-хранитель ; В февральском ветре что-то есть весеннее... ; Я знаю, что такое боль... ; Бабье лето ; Благословенны сентябри ; Оранжевое настроение ; Полнолуние ; Мне в детстве снился белый конь...

Колдунья : рассказ // БАМ. – 2004. – 4 авг. – С. 13.

- Колыбельная : стихи // БАМ. – 1983. – 21 окт. – С. 4.
- Кораблик : стихи // Авангард. – 1975. – 26 июля. – С. 4.
- Легко ли пишутся стихи... ; К стеклу горячим лбом прижаться... ; Раскосматится туча в окне... ; Ты подумаешь обо мне... ; На закате осенней порой... ; Конец всему положен разом... : стихи // БАМ. – 1979. – 16 марта. – С. 4.
- Лето 2013 : стихи // БАМ. – 2013. – 23 окт. – С. 1.
- Летящие кони ; А мне от весны заслониться... ; Осенний дождь ловлю губами... : стихи // Приамурье моё – 1975 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск, 1975. – С. 9.
- Лечу ; С белесых северных небес... ; О Севере ; Ах, эти детские вопросы... : стихи // Авангард. – 1979. – 17 февр. – С. 3.
- Ловлю в ладони свет... ; И впрямь нас, видно, укачало... : стихи // Амур. правда. – 1980. – 25 февр. – С. 4.
- Мы взрывники, мы рвем гранит... : стихи // Амур. комсомолец. – 1981. – 22 февр.
- Мы дождями умыты... : стихи // Автограф века / сост. В. В. Киселёв, А. В. Преловский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – С. 122.
- Мы дождями умыты... : стихи // Огонь на вечной мерзлоте : сборник / сост. Г. Чечулина, В. Воронов. – Хабаровск, 1982. – С. 264.
- Мы дождями умыты... ; Мои друзья-градостроители... ; Обложили метели... : стихи // Приамурье-2005 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2005. – № 7 (25). – С. 34.
- На вокзале ; Разлука : стихи // Благовещенск. – 1998. – 5 июня.
- Начало : стихи // БАМ. – 1975. – 5 дек. – С. 4.
- Не бойтесь начинать сначала... : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 4 марта. – С. 3.
- Не замечу в толпе... ; Ловлю в ладони свет... : стихи // Авангард. – 1980. – 1 мая. – С. 4.
- Не знаю, чуда ждать иль худа... ; Ах, довольно душа намаялась... ; Скажу дождю: «Побудь, останься...»... ; Набор цветных мелков – и только... ; Здравствуй! Здравствуй дождь весенний... : стихи // БАМ. – 1982. – 16 июля. – С. 4.
- Не трогай ничего, что было... : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 3 июня. – С. 4. – Содерж.: Осенняя мелодия ; Не трогай ничего, что было... ; Нет, пожалуй, верить в чудо... ; Войду в штормовке запылённой... ; Осенняя песня ; А я молчала – как кричала... ; Ты прав – и мы за всё заплатим... ; Я не скажу ; Предчувствие дождя ; Ты слышишь: падает роса... ; Молитва ; С сыном ; Колыбельная ;

Набор цветных мелков... ; Утро ; Художница ; Признание художника ; Не хочу метели, не хочу... ; Чуть-чуть о поэзии ; Так было в душе моей темно... ; К стеклу горячим лбом прижаться... ; Себе.

Не хочу метели ; Вдоль стены прокрался ветер... ; Так было на душе моей темно... ; Друзья : стихи // Авангард. – 1984. – 8 марта. – С. 4.

Новогоднее ; Первая пороша ; Ах, эти детские вопросы... ; Солнечные зайчики : стихи // БАМ. – 1980. – 31 дек. – С. 4.

О Тынде ; И ничего-то не случилось... ; Сам создал, сам разрушил... ; Мир воспоминаньем сужен... ; Вдоль стены прокрался ветер... ; Колыбельная : стихи // БАМ. – 1980. – 28 нояб.

О чём ты задумался, друг... ; Мы дождями умыты... // БАМ (Байкало-Амурская магистраль) : панорама всенародной стройки – 1974. – Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1975. – Вып. 1. – С. 215–216.

Обложили метели этот город таежный : стихи // Авангард. – 1995. – 16 сент. – С. 1.

Осенний дождь ловлю губами... ; Poi меня, сентябрь ; Первая пороша ; Охотничий сезон ; Быть может // Магистраль : сб. стихов / сост. В. Павлинов. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – С. 155–156.

Осенняя мелодия ; Осенняя песня ; Я не скажу ; Предчувствие дождя ; Молитва ; Художница ; Себе : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 3 июня. – С. 4.

Осенняя мелодия ; Рисует мой сын... ; Я сегодня буду ветром ; Письмо сестре ; Встану утром : стихи // Авангард. – 1978. – 10 окт. – С. 3.

Охотничий сезон ; Встану утром рано-рано... // Вперёд. – 1979. – 22 февр. – С. 4.

Памяти Владимира Гузия : стихи // БАМ. – 2009. – 22 апр. – С. 1.

Первые следы : стихи // Амур. комсомолец. – 1980. – 18 янв. – С. 4.

Первые шаги ; Через шесть часовых поясов... : стихи // Дал. Восток. – 1983. – № 11. – С. 5.

Письмо сестре ; Туманы : стихи // Амур. правда. – 1979. – 18 марта. – С. 3.

Пневмония : рассказ // БАМ. – 1990. – 10 янв. – С. 3 ; 19 янв. – С. 4.

По запутанным дорожкам... ; Что случилось и чего же ради... ; Уже забыто всё, залечено... ; Пожар заката над рекой... ; Опять в душе затишье грозное... // БАМ. – 1974. – 6 нояб. – С. 4.

Поезд идёт на БАМ ; Осенний дождь ловлю губами... ; И вот мы снова у порога... ; Солнечные зайчики : стихи // Амур. комсомолец. – 1980. – 23 нояб. – С. 2.

Поезд идёт на БАМ... ; Художница ; Осенний дождь ловлю губами... : стихи // Стыковка : сб. стихов поэтов-строителей БАМ / сост.

В. Г. Бирюков ; предисл. О. Н. Шестинского. – Москва : Молодая гвардия, 1984. – С. 88–89.

Привыкла чувствовать всё чаще... ; Возвращаюсь? Улетаю?... : стихи // БАМ. – 1989. – 1 дек. – С. 4.

Про кошку. Про жеребёнка // Авангард. – 1978. – 21 сент. – С. 3.

Пусть свершится это чудо... ; Меняет время гнев на милость... ; Верим или не верим... : стихи // БАМ. – 1979. – 12 окт. – С. 4.

Режим ; Солнечные зайчики : стихи // Авангард. – 1980. – 22 марта. – С. 3.

Себе ; Я люблю и ненавижу... ; Вкатилась в комнату луна... ; Мне твердят – неисправима... ; Мне ли бояться... // Авангард. – 1978. – 8 авг. – С. 3.

Себе ; Ночь ; Мне твердят – неисправима... : Не бойтесь начинать сначала... : стихи // Авангард. – 1978. – 7 дек. – С. 3.

Снегопад : стихи // Амур. комсомолец. – 1985. – 25 янв.

Снегопад ; Оптимистическое ; Как птица на взлёте – навывлет... ; Давай друг друга отпустим... ; Пусть свершится это чудо... ; Войду в штормовке запылённой... ; Первые шаги ; Детство ; Себе ; Давайте будем добрее... : стихи // Приамурье моё – 1983. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 165–168.

Собака с косточкой : стихи // БАМ. – 2008. – 19 нояб. – С. 6.

Спутник ; Кораблик ; Летящие кони ; Телефон : стихи // БАМ. – 1975. – 1 янв. – С. 4.

Стихи разных лет // БАМ. – 1988. – 21 окт. – С. 4. – Содерж.: Ты слышишь, падает роса... ; Не бойтесь начинать сначала... ; Не знала, чуда ждать или худа... ; Когда звезда упала в реку... ; Где море и солнце... ; Благодарю тебя за лето... ; Привыкла чувствовать всё чаще... ; Не спрашивай, куда летаю... ; Пусть будет лето, дождь и солнце... ; Конец всему положен разом... ; Легко ли пишутся стихи...

Строителям ; Август ; Нет, видно, не для нас покой... : стихи // БАМ. – 1980. – 5 сент. – С. 4.

Телефон ; Летящие кони, летящие кони... : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 2 мая. – С. 4.

Том : рассказ // БАМ. – 2004. – 11 авг. – С. 13.

Том : рассказ // Проспект Пушкина. – 2004. – 6 окт. – С. 7.

Тот август был, как бред... ; Я больше не хочу искать тебя повсюду... ; Помнишь, как целый день... ; Я металась и ждала... ; Не спрашивай, куда летаю... : стихи // Амур. правда. – 1988. – 7 нояб. – С. 4.

Туман : стихи // БАМ. – 1976. – 26 нояб. – С. 4.

Ты прав – и мы за всё заплатим... ; Обложили метели... ; Я не скажу... ; Где море и солнце... // Авангард. – 1984. – 9 февр. – С. 7.

Ты слышишь, падает роса... ; Давай друг друга отпустим... ; Предчувствие дождя : стихи // БАМ. – 1979. – 8 июня. – С. 4.

Тында : стихи // Амур. правда. – 1999. – 3 апр. – Прил.: с. 3. – (Глагол).

У костра ; Колыбельная // Амур. комсомолец. – 1976. – 9 янв. – С. 4.

Уже давно не вижу детских снов ; Мы взрывники... ; В тайгу, на север... : стихи // Лит. Россия. – 1979. – 23 марта. – С. 3.

Уходит год : стихи // Амур. правда. – 1999. – 30 янв. – Прил.: с. 1. – (Глагол).

Февраль : стихи // Авангард. – 1998. – 31 янв. – Прил.: с. 1. – (КВИН).

Художница ; Какие голубые звёзды... ; Не знала – чуда ждать... ; Мои друзья-градостроители... ; Не надо жалеть ни о чём... ; В студенческой библиотеке : стихи // Авангард. – 1983. – 24 февр. – С. 4.

Чердак ; Не знаю, чуда ждать иль худа... : стихи // Авангард. – 1981. – 28 июля. – С. 3.

Через шесть часовых поясов... ; Майский снег : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 15 мая. – С. 2.

Чудеса! Расскажи – не поверят ... ; На закате осенней порой ... : стихи // Амур. комсомолец. – 1979. – 23 сент. – С. 4.

Шарфик для Иисуса : Рождеств. история : рассказ // БАМ. – 2009. – 7 янв. – С. 5.

Шевельнулись в теплых почках... ; Новогоднее ; Утро : стихи // Амур. комсомолец. – 1981. – 23 янв. – С. 3.

Этюды осени : стихи // БАМ. – 1975. – 11 сент. – С. 4. – Содерж.: Осенний дождь ловлю губами... ; Пои меня, сентябрь, ядом...

Я – Океан, болят мои ожоги... ; Димка ; Что прошло и что случится... ; Чуть-чуть о поэзии : стихи // БАМ. – 1978. – 24 нояб. – С. 4.

Я не люблю охотничий сезон : стихи // КВИН. – 1996. – 1 авг.

Я не скажу... ; Не сравнивай меня с другими... : стихи // Амур. комсомолец. – 1984. – 19 февр. – С. 3.

Я не уеду никуда : стихи // БАМ. – 1994. – 4 марта. – С. 6.

Я сегодня буду ветром ; Уже давно не вижу детских снов... ; На снегу нарисованный конь... ; Охотничий сезон ; В тайгу, на север, только дальше... ; Встану утром рано-рано... ; Первая пороша ; Шевельнулись в теплых почках... ; Пусть впереди и радость и отчаянье... ; Я – первый снег ; Спутник ; Мне твердят: неисправима!... :

стихи // Вдохновение : сб. произведений участников лит. об-ний страны / сост. Ю. Лопусов ; предисл. Г. М. Маркова. – Москва : Молодая гвардия, 1979. – С. 21–22.

Литература о жизни и творчестве Т. Г. Шульги

Алексеева, Н. «Всё, что будет потом, – пусть...» : [о кн. Т. Шульги «Майский снег»] / Н. Алексеева // Амур. комсомолец. – 1985. – 17 февр. – С. 4.

Бобошко, А. Тамара Шульга: «Воздушные замки стали профессией» / А. Бобошко // Амур. правда. – 2009. – 19 июня. – Прил.: с. 1. – (Глагол).

Бобошко, А. Тамара Шульга: «Все мы были поэты» / А. Бобошко // Амур. правда. – 2005. – 8 окт. – Прил.: с. 1. – (Глагол).

Гузий, В. Поэт о поэте. «На душе светлым-светло...» [Электронный ресурс] : [о творчестве Т. Шульги]. – Режим доступа: <http://zbstynda.ru/stati/-vzroslela-stroila-lyubila-i-net-teper-zemli-rodnei.html>.

Для меня БАМ – это жизнь : [интервью с Т. Шульгой] / провела Т. Андреева // Амур. комсомолец. – 1986. – 28 февр. – С. 4.

Ерёмин, И. С надеждой на открытие : [есть о творчестве Т. Шульги] / И. Ерёмин // Ленин. путь. – 1977. – 15 нояб. – С. 3–4.

Ермаков, М. Известная бамовская поэтесса Тамара Шульга празднует юбилейный день рождения / М. Ермаков // БАМ. – 2014. – 19 мая. – С. 1.

Ермаков, М. Известная бамовская поэтесса Тамара Шульга празднует юбилейный день рождения [Электронный ресурс] / М. Ермаков. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/175004/>.

Ермаков, М. Не стало огромной части нас : [в Тынде умерла извест. Бамов. поэтесса Т. Шульга] / М. Ермаков // Амур. правда. – 2014. – 31 окт. – С. 7.

Игнатенко, И. Взросление : [о творчестве Т. Шульги] / И. Игнатенко // Амур. правда. 1985. – 17 февр. – С. 4.

Игнатенко, И. Горькие письма : [о творчестве Т. Шульги] / И. Игнатенко // Амур. правда. – 1999. – 3 апр. – Прил.: с. 4–5. – (Глагол).

Игнатенко, И. Д. Постоянство непохожести : [«Осенняя мелодия» : о творчестве Т. Шульги] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т.

Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 369–371.

Игнатенко, И. Д. Постоянство непохожести : книги поэтов БА-Ма : [«Осенняя мелодия» : о творчестве Т. Шульги] / И. Д. Игнатенко // Приамурье-2005 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2005. – № 7 (25). – С. 19–20.

Игнатенко, И. Сквозь опрокинутость небес... : [о кн. стихов Т. Шульги «Летающие кони»] / И. Игнатенко // Дал. Восток. – 1989. – № 11. – С. 146–148.

Игнатенко, И. Д. Сквозь опрокинутость небес... : [о кн. стихов Т. Шульги «Летающие кони»] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 356–361.

Казакова, Л. Г. Женщины-поэты Приамурья : [есть о Т. Шульге] / Л. Г. Казакова // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 125–133.

Козенко, А. «Здесь поэзия – с нами» : [о молодой бамов. поэтессе Т. Шульге] / А. Козенко // Амур. комсомолец. – 1980. – 23 нояб. – С. 2.

Маслов, О. Пожелаем доброго пути : [рец. на кн. стихов Т. Шульги «Летающие кони»] / О. Маслов // Амур. правда. – 1977. – 30 окт. – С. 3.

Машук, Б. Самобытный голос лирика : [Т. Шульга – член Союза писателей СССР] / Б. Машук // Амур. правда. – 1988. – 7 нояб. – С. 4.

Назарова, И. С. Бамовская нота в литературе Приамурья. Ч. I. Как всё начиналось: о «Звене», Пушкинском празднике и прочих культурных событиях на БАМе : [есть о Т. Шульге] / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – Вып. 5. – С. 78–84.

Назарова, И. С. «Днём рубившие просеки, ночью бредим стихами»: вехи судьбы и грани таланта Тамары Шульги [Электронный ресурс] / И. С. Назарова. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/40613451-Dnyom-rubivshie-proseki-nochyu-bredim-stihami-vehi-sudby-i-grani-talanta-tamary-shulgi.html>.

Назарова, И. С. «России первое светило...» : образ А.С. Пушкина в бамовской поэзии : [есть о Т. Шульге] / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2016 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017. – Вып. 10. – С. 62–79.

Назарова, И. С. Стихия дождя и ветра : образный строй лирики Тамары Шульги / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – Вып. 4. – С. 110–119.

Назарова, И. С. Шульга Тамара Григорьевна / И. С. Назарова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 442–445.

Сахарова, Г. Негромкое слово поэта : [о творчестве Т. Шульги] / Г. Сахарова // БАМ. – 2004. – 30 июня. – С. 3.

Требушевская, Н. «Днем рубившие просеки, ночью бредим стихами...» : Тамаре Шульге – 65! // БАМ. – 2014. – 21 мая. – С. 1.

Требушевская, Н. «Днем рубившие просеки, ночью бредим стихами...» [Электронный ресурс] : Тамаре Шульге – 65!– Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2014/6/10/dnem-rubivshie-proseki-nochyu-bredim-stihami-tamare-shulge-65/>.

Шестак, И. Литературная студия «Звено» [Электронный ресурс] : [есть о творчестве Т. Шульги] / И. Шестак. – Режим доступа: <http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/cultural/cultural-x=045.php>.

Шестак, И. Не спрашивай, куда летаю... : [о принятии Т. Шульги в члены Союза писателей СССР и её творчестве] / И. Шестак // БАМ. – 1988. – 21 окт. – С. 4.

Это с детства : [беседа с Т. Шульгой о её творч. пути] / провёл В. Кудинов // БАМ. – 1988. – 21 окт. – С. 4.

г. Благовещенск
ул. Ленина, 139
тел: + 7 (4162) 23-73-90
e-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru

ok.ru/libamur
vk.com/libamur
[instagram.com/amurlib](https://www.instagram.com/amurlib)
[facebook./groups/libamur](https://www.facebook.com/groups/libamur)

